

Герман и Тамара Рыльские

ПОПЕЛЫ и ее деды

Отражения. Ретеллинги

Герман Рыльский
Гретель и ее бесы

«РОСМЭН»

2023

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

РЫЛЬСКИЙ Г.

Гретель и ее бесы / Г. Рыльский — «РОСМЭН»,
2023 — (Отражения. Ретеллинги)

ISBN 978-5-353-10412-4

Мрачный ретеллинг классической сказки. Маленький городок Марбах не менял свой облик последние пару сотен лет. Окружающий его лес уже не пугает местных жителей, но предания о жуткой ведьме Пряничного домика заставляют их держаться от него подальше. Гретель живет на окраине Марбаха, прячась от мучащих призраков прошлого. Десять лет назад они с братом попали в настоящий ад. Теперь молодая женщина согласилась рассказать журналисту свою историю, распутав нити памяти с помощью психолога. Ей предстоит вспомнить всё. А главное – взглянуть в лицо правде: однажды в лесу на детей открыли охоту ведьмы, бесы, репоголовый Джек и даже родная мать.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-10412-4

© Рыльский Г., 2023

© РОСМЭН, 2023

Содержание

Интерлюдия нулевая	6
Глава первая	12
Интерлюдия первая	36
Глава вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Герман и Тамара Рыльские

Гретель и ее бесы

© Т. и Г. Рыльские, текст, 2023

© ООО «РОСМЭН», 2023

Интерлюдия нулевая

1919 год от Рождества Христова, декабрь

Священное королевство Рейнмарк, город Марбах

Каждую осень с приходом дождей Смолокурная улица превращалась в непроходимое болото. Когда очередной беделлага оставлял в липкой глине обувь, из окон выглядывали зеваки – поглазеть, как он будет сыпать проклятиями, прыгая на одной ноге. 1919 год – Гретель Блок тогда исполнилось двадцать четыре – выдался особенно дождливым, и кое-кто из старожилов начал поговаривать, что все закончится очередным разливом Зальц-Ахена. Преподобный Дельбрук не упустил случая напомнить, что стихийные бедствия посылаются людям в наказание за грехи, и призвал прихожан активнее покупать индульгенции. Река, впрочем, так и не разлилась. А в ночь с тридцатого ноября на первое декабря ударил мороз, сковав русло Зальц-Ахена, а заодно и хлюпающее месиво, уже три месяца досаждавшее обитателям Смолокурной улицы. Снег шел не переставая, преобразив мрачноватые окраины, как пудра преображает лицо трупа.

Рано утром безмолвие улицы было нарушено урчанием мотора. И хотя водитель сбросил скорость до минимальной, серый готлибваген нещадно качался и подпрыгивал на колдобинах, припорошенных снегом. Машина остановилась возле последнего дома на Смолокурной. Дальше начинался пустырь, сейчас будто бы залитый жидким серебром. Заснеженная пустошь, над которой этим утром висела странная синеватая дымка, упиралась в шербатую стену Либкухенвальда. Древний лес, о котором ходило множество пугающих слухов, сейчас не казался зловещим или неприветливым. Впрочем, тех жителей Марбаха, у кого Либкухенвальд забрал ребенка, этот зимний наряд не смог бы обмануть. Погребальные саваны, как известно, тоже белого цвета.

Мотор замолчал, и на рабочей окраине вновь воцарилась тишина. Распахнув дверцу, из машины вышел высокий мужчина в черном пальто, шляпе и длинном шарфе. Его элегантные лакированные туфли явно не предназначались для прогулок по улицам наподобие Смолокурной: сделав шаг, молодой франт по колено провалился в снег. Чертыхнувшись, он подобрал полы пальто и побрел к дому.

На двери не было кнокера, и гость постучал кулаком. Спустя полминуты створка приоткрылась, и на пороге возникла худошавая светловолосая фройляйн. Взгляд ее голубых глаз был прямым, выражение лица – не слишком приветливым. Посмотрев на молодого человека, она привстала на цыпочки и бросила взгляд ему через плечо, на припаркованный у дома готлибваген.

– Здравствуйте, – сказала она наконец. – Чем обязана?

– Здравствуйте! – Гость приподнял шляпу. – Меня зовут Конрад Ленц, я работаю в газете «Королевские ведомости». А вы, наверное, Гретель Блок?

– Да, это я. – Девушка поморщилась. – И мне придется вас огорчить. Я не общаюсь с журналистами.

– Раньше общались. – Ленц улыбнулся так, словно Гретель только что пригласила его войти и отведать свежее испеченного штруделя.

Улыбка у журналиста была открытая и располагающая, и девушка подумала, что он, вероятно, репетировал ее перед зеркалом.

– Раньше общалась и пожалела об этом, – сказала Гретель, закрывая дверь. – До свидания!

– Подождите. – Ленц придержал створку. – Речь не о какой-то идиотской статье, за которую заплатят пару монет! Речь о книге! Если мы с вами договоримся, гарантирую, что на этот дом прольется дождь из королевских марок!

– Что-то я сомневаюсь, – буркнула Гретель, пытаясь закрыть дверь.

Ленц створку не пускал, при этом с его лица не сходила профессиональная улыбка.

– А вы поверьте! Я понимаю, журналисты испортили вам немало крови. Из-за статеек, которые печатали, в том числе и в моей газете, у вас были проблемы. Но я пришел к вам не как журналист.

– А как кто? – фыркнула Гретель. – Как разносчик молока? Что-то я не вижу бутылок!

– Как писатель. И да будет вам известно, первая книга принесла мне гонорар в миллион королевских марок.

– Вранье. – Гретель перестала давить на дверь.

– Вам показать выписку с банковского счета? – Ленц усмехнулся. – Я, в принципе, могу. Хотя хочется верить, что мои честные глаза служат достаточной гарантией!

Гретель колебалась. Ей не хотелось ворошить прошлое, но Ленц назвал невероятную по меркам Марбаха сумму.

– Из-за таких, как вы, я стала посмешищем в собственном городе. Вы знаете, что меня считают сумасшедшей?

– Я не могу отвечать за действия своих коллег. У вас личные счета с газетчиками, но, повторюсь, я пришел сюда не как журналист.

Гретель ничего не ответила, лишь поджала губы.

– Ну что вы теряете, в конце концов? – развел руками Ленц. – Все, что я прошу у вас для начала, – это разговор. Если вам не понравится мое предложение, пошлете меня ко всем чертям! Кстати... какая кондитерская лучшая в городе?

– «Марбахские сласти». – Гретель приподняла одну бровь. – А что?

– Там подают глинтвейн?

– Разумеется.

– Я угощу вас глинтвейном и десертом. А вы меня выслушаете.

– И если я решу, что ваше предложение мне неинтересно, вы оставите меня в покое?

– Клянусь честью! – воскликнул Ленц и, оглядевшись, добавил: – Фройляйн Блок, только гляньте, какое чудесное утро! Грех сидеть в четырех стенах, когда приятный молодой человек предлагает вам прогулку, глинтвейн и десерт!

Девушка усмехнулась:

– Ладно уж, уговорили. Ждите в машине! Предупрежу брата и выйду.

Гретель появилась из дома спустя пятнадцать минут. На ней была подбитая мехом куртка, уже далеко не новая, и вязаный берет. Журналист тут же выскочил из автомобиля и открыл девушке дверь.

– Поехали, – сказал он, садясь рядом. – В «Марбахские сласти»!

Гретель нарочно назвала докучливому журналисту самую дорогую кондитерскую города, расположенную на Марбах-плац, прямо напротив ратуши. «Пусть угощает, раз ему платят по миллиону королевских марок за книжку», – размышляла девушка, поглядывая в окно на заснеженные улицы.

В детстве Гензель и Гретель – дети простого лесоруба – не могли позволить себе покупать конфеты в «Марбахских сластях». С годами ничего не изменилось. Пожалуй, стало даже хуже, чем раньше. Мальчишкой Гензель хотя бы помогал отцу и находил небольшие подработки в городе. Сейчас он по понятным причинам не мог работать, и Томас Блок остался единственным добытчиком в семье. Поэтому речь о миллионе королевских марок подействовала на Гретель, как дудочка крысолова на детей Гамельна.

В 1919 году Марбах оставался глухой провинцией, такой же, как и сто, и двести лет назад. Поезда сюда ходили не каждый день, службы такси не существовало. Гретель решила, что Конрад Ленц приехал ночным поездом в Альпенбах, соседний с Марбахом город, и там нанял машину. Хотя водитель был не местный, девушка опасалась, что журналист начнет гово-

речь при нем о делах. Впрочем, во время поездки Ленц ограничивался общими, ничего не значащими фразами: «Какой милый городок!»; «После столицы Марбах – это просто бальзам на душу!»; «Решено – выйду на пенсию, поселюсь в таком вот городе, на окраине леса...».

Попетляв по улицам, автомобиль вырулил на Марбах-плац. С одной стороны круглой площади возвышался собор Святого Генриха, с другой – ратуша, а посередине – чумной столб. Несколько дворников сгребали снег в большие кучи, шурша лопатами по гранитной брусчатке. Под их любопытными взглядами готлибваген остановился возле кондитерской.

Витрину «Марбахских сластей» украшали еловые ветви, стеклянные шары и пучки омелы. В центре стояли ясли с младенцем, Мария, Иосиф и три волхва в роскошных одеждах. Все это великолепие было сделано из цветной кондитерской мастики. В детстве Гензель и Гретель могли часами стоять здесь, разглядывая леденцы, конфеты и пряники, пока хозяин лавки не терял терпение и не выскакивал на улицу с веником. Став двадцатичетырехлетней девушкой, Гретель Блок по-прежнему робела, завидев в витрине лысую голову и полосатый передник сурового кондитера.

Конрад Ленц первым вышел из машины, открыл Гретель дверцу и подал руку. Потом распахнул дверь кондитерской, откуда повеяло теплым ароматным воздухом.

Вдоль стен возвышались полки, забитые коробками с пастилой, зефиром и конфетами. В стеклянных витринах красовались торты, от одного вида которых у Гретель потекли слюнки. Слева располагался прилавок, а справа – столики, сидя за которыми посетители могли отведать упомянутые торты. Впрочем, в этот час здесь не было никого, кроме Конрада и Гретель. На звук колокольчика из-за прилавка вышел хозяин – толстяк с маленькими глазками и угодливым выражением лица. Увидев в двери Гретель, он сморщился так, словно обнаружил в коробке с лучшими конфетами дохлую мышь. «Марбахские сласти» обслуживали богатых клиентов; попрошайкам, оборванцам и обитателям окраин здесь были не рады.

Из-за спины Гретель возник Конрад Ленц.

– Милейший, приготовь-ка нам два глинтвейна! – воскликнул он, снимая шляпу и скидывая пальто. – И подай фройляйн кусочек своего лучшего торта!

Толстяк удивленно моргнул, нацепил дежурную улыбочку и кинулся выполнять заказ. Тем временем Конрад и Гретель заняли столик у витрины. На молодом человеке был коричневый костюм-тройка и атласный галстук, цепочка карманных часов отливала золотом. Для обычного писаки, пусть и работающего в столичной газете, он выглядел слишком уж rispettable. Гретель подумала, что, рассказывая о гонораре за первую книгу, он, возможно, не врал.

– Чудесное местечко, – произнес Ленц, оглядываясь. – У вас имеется вкус!

– Да, завтракаю здесь чуть ли не каждый день. – Гретель закатила глаза. – Итак, я вас внимательно слушаю.

– Сразу к делу? – усмехнулся журналист. – Уважаю!

Он потянулся к пальто, достал из внутреннего кармана книгу и положил перед Гретель. Автора звали Конрад Р. Ленц, а сама книга называлась «Крысоловка для убийцы из Гамельна». Ниже шел подзаголовок, набранный более мелким шрифтом: «Расследование загадочных происшествий, имевших место в городе Гамельне». Обложку украшала иллюстрация – одетый в пестрые одежды дудочник, за которым тянулась вереница детей.

– Слышали историю о Гамельнском крысолове?

– Все ее слышали, – пожала плечами Гретель. – После Альпенбаха Гамельн – наш ближайший сосед.

– Городу досаждали крысы, – произнес Ленц, откидываясь на спинку стула. – И вот однажды объявился дудочник, который пообещал избавить Гамельн от этой напасти. И не просто пообещал, а избавил. Вот только бургомистр не захотел раскошелиться, и тогда крысолов решил отомстить. Он похитил детей Гамельна, которые шли, зачарованные звуком его дудочки.

– Говорю же, я знаю эту историю, – сказала Гретель. – Вы позвали меня, чтобы обсудить городские легенды?

– А вы знали, что среди похищенных детей был один мальчишка, хромой от рождения? – спросил Ленц, подавшись вперед. Его изящные, явно не привыкшие к простому труду пальцы легли на обложку. – Как и остальные, он поддался чарам крысолова. Но, как ни старался, не мог идти вровень с другими детьми. Он отстал и только поэтому спасся.

– Нет, этого я не знала, – покачала головой Гретель, не вполне понимая, к чему ведет журналист.

– Я разыскал этого мальчишку. Ему, кстати, сейчас уже семьдесят. Он стал моим главным свидетелем, бесценным источником информации о том странном происшествии. В своей книге я убедительно доказал, что убийца детей из Гамельна...

– Кто? – выдохнула Гретель.

– Ну уж нет, если скажу, вам будет неинтересно читать, – рассмеялся Ленц. – А я надеюсь, вы примете в подарок эту книгу – она, кстати, уже подписана – и прочитаете ее.

– Спасибо, – кивнула девушка.

– Впрочем, сейчас совершенно неважно, кто и зачем похитил детей Гамельна. Важно, что мой информатор получил обещанные ему двадцать процентов от продаж книги. Хватит на безбедное существование, как считаете?

Гретель взяла в руки «Крысоловку для убийцы из Гамельна», покрутила в руках. На задней обложке красовался портрет Ленца – бесспорное свидетельство, что он не морочил ей голову.

– Признаться, когда я писал эту книгу, то еще не знал, какой фурор она произведет, – беззаботным тоном произнес журналист. – И что, обещая своему информатору двадцать процентов, я обеспечиваю его старость.

– Что вы хотите от меня? – спросила Гретель, уже примерно понимая, о чем пойдет речь.

– Станьте моим хромым мальчиком! – произнес Ленц. А потом театральным жестом хлопнул себя по лбу и добавил: – Господи боже, что я несу! Станьте моей прекрасной девочкой! Нет, не так – моей прекрасной фройляйн, моим источником вдохновения!

В этот момент появился хозяин «Марбахских сладостей» с подносом. Он поставил перед гостями пару высоких стаканов с глинтвейном и тарелку с кусочком торта «Захер». Над горячим вином поднимался аромат корицы и гвоздики, а с торта стекал густой шоколад. Подождав, пока кондитер удалится, Гретель произнесла:

– Если хотите повторить успех, написав книгу о марбахском убийце, поищите другого информатора. Я ничего не помню о тех событиях.

– Мне не нужен другой информатор. – Ленц покачал головой. – Тем более что другого информатора просто нет. За все эти годы вы и Гензель – единственные, кто сумел вернуться из Либкухенвальда. Но ваш брат, к сожалению, с тех пор не сказал ни слова. Так что согласитесь – выбор у меня невелик!

– Я же объясняю...

– Я знаю все, что вы собираетесь сказать, – отмахнулся Ленц. – Но вы понятия не имеете, что хочу сказать я. Поэтому – прошу! – отдайте должное этому чудесному торту и просто послушайте.

Несколько секунд Гретель сверлила Конрада Ленца колючим взглядом. Его снисходительный тон бесил, но на кону стояла огромная сумма. Решив подыграть самовлюбленному журналисту, девушка взяла ложечку и отправила в рот кусок «Захера».

Убедившись, что Гретель готова слушать, Ленц произнес:

– Готовясь к нашей встрече, я ознакомился с тем, что писали об этом деле мои коллеги из «Королевских ведомостей» и других газет. Марбахский убийца орудует уже много лет и, похоже, не собирается останавливаться. Это самый успешный и кровавый маньяк в истории.

Только однажды он совершил ошибку. Когда десять лет назад упустил вас, Гретель, и вашего брата. Если не ошибаюсь, вам тогда было четырнадцать, а Гензелю – тринадцать...

Гретель кивнула. Конрад Ленц отхлебнул глинтвейна и произнес:

– Казалось бы, у полиции появилась зацепка. Но нет! После пережитого Гензель ушел в себя. А вы...

– А я ничего не помнила, – вставила Гретель.

– Вот и нет. Газеты писали о странных историях, которые рассказывала маленькая Гретель Блок. Журналистам очень нравилось пересказывать страшилки, которыми вы с ними делились.

– Зря я не держала язык за зубами! – Девушка поморщилась так, словно в куске шоколадного десерта ей попался жгучий перец. – Из-за этих историй меня до сих пор считают городской сумасшедшей.

– В какой-то момент вы спохватились и начали говорить, что ничего не помните, – кивнул Ленц. – Но было поздно. Правда уже просочилась на страницы газет.

– Правда? – переспросила Гретель. – Вы же читали эти статьи. Разве это похоже на правду?

– Я уверен, что вы никогда не лгали и тем более не придумывали, чтобы привлечь к себе внимание прессы. Вот моя теория. В лесу вы с Гензелем столкнулись с чем-то ужасным. С убийцей детей, от которого едва спаслись. Правда была настолько чудовищна, настолько разрушительна, что ваш разум едва мог ее вынести. И, чтобы уберечь вас, заменил реальные образы сказочными.

– Что-что? – Гретель отложила ложку. – Вы хотите сказать, я сумасшедшая?

– Боже упаси! – всплеснул руками Ленц. – Сумасшествие здесь вообще ни при чем! Вы слышали о такой науке – психологии?

– Разумеется. Вы думаете, я живу в лесу среди диких зверей?

– Нет, ничего такого я не говорил. Однако здесь, на окраине королевства, действительно нет специалистов в этой области. Психологи изучают разум человека и его феномены. Они вообще не занимаются душевнобольными, это поприще психиатров. И вот тут мы подходим к самому главному...

Ленц выдержал драматическую паузу. Гретель ждала.

– В столице у меня есть отличный специалист, доктор Фонберг, – произнес молодой человек. – Он готов поработать с вами. Вместе мы сможем разобраться, что произошло в Либкухенвальде десять лет назад. И, возможно, поможем полиции найти монстра, который до сих пор убивает детей. Что скажете, фройляйн Блок?

– Ничего не выйдет. – Гретель покачала головой. – Очень жаль, но я не ваш хромой мальчик.

– Это уж позвольте решать мне! Я верю в успех этой затеи, и доктор Фонберг тоже в него верит. Правда будет восстановлена, больше никто не посмеет назвать вас лгуньей или сумасшедшей. И не забывайте о деньгах, которые вас ждут в случае успеха. Огромных деньгах! Двадцать процентов от прибыли.

– Пятьдесят процентов.

Ленц на мгновение опешил. А потом рассмеялся, хлопнув по столу так, что звякнула лежавшая на тарелке ложечка.

– Мы уже торгуемся? Но минуту назад вы сказали, что ничего не выйдет!

– Да, у меня есть причины так думать. Но я готова попробовать. Как мы будем действовать?

– Для начала поедем в Риттердорф. Вы не были в столице? Клянусь, вам понравится! Там вы проведете какое-то время, консультируясь с доктором Фонбергом. Втроем мы попытаемся докопаться до истины, узнать, что на самом деле произошло в ту ночь с вами и Гензелем.

– А если мы не узнаем? Книга все равно выйдет?

– Гретель, почему вы так скептически настроены? Доктор Фонберг – настоящая звезда психологии!

– Потому что я говорила журналистам чистую правду. – Гретель взяла ложку и принялась ковырять кусочек торта. – Не было никакого убийцы, и, если ваш доктор хоть чего-то стоит, он это поймет. В ту ночь меня и Гензеля... похитили бесы.

Глава первая

1909 год от Рождества Христова, 30 октября (десятью годами ранее)

Запах свежей краски, досаждавший ученикам в первые дни осени, почти выветрился к Празднику Урожая. Его еще можно было учуять, переступая порог воскресной школы, но к моменту, когда сестра Агнес начинала рассказывать о заповедях, таинствах и адских муках, едва уловимый запах олифы и цинковых белил словно улетучивался.

«Интересно, грешники в аду тоже привыкают к запаху серы?» – размышляла Гретель, поглядывая в окно. Сейчас она чувствовала лишь сладковатый тыквенный аромат, долетавший со двора. Высокая пирамида, сложенная из оранжевых плодов, высилась у каменной стены собора. Эти тыквы пожертвовали местные фермеры для благотворительного обеда в честь Праздника урожая.

Сестра Агнес напоминала сушеную воблу, на которую ради смеха нацепили монашеское одеяние и очки с толстыми линзами. Костистое лицо и безгубый рот только усиливали сходство с рыбой. Прохаживаясь между рядами, сестра Агнес вещала:

– ...Вскрыв могилу святого Леонтия Халдейского, язычники с ужасом узрели, что его мощи не подверглись тлению. А вместо смрада разложившейся плоти из гроба повеяло миррой и ладаном.

– И тыквенной кашей, – прошептал Гензель, сидевший по левую руку от Гретель.

Девочка, которой в скором времени предстояло готовить эту самую кашу, сдержанно усмехнулась шутке младшего брата. Вообще, чистить и нарезать жесткие плоды – то еще удовольствие. Фрау из женского церковного комитета, которые ежегодно устраивали благотворительный обед для бедных, сами не стояли над разделочной доской и кипящими чанами. Этим занимались девочки, посещавшие воскресную школу. В прошлом году от ручки ножа у Гретель вздулись кровавые волдыри.

– Как думаешь, – прошептал Гензель, наклоняясь к сестре, – если добавить в кашу святые мощи, каша станет святой?

– Думаю, да, – с серьезным видом отозвалась Гретель. – Ты же помнишь – капля святой воды освящает море.

– Значит, достаточно бросить один ноготь с руки...

– Фу! – Девочка пихнула брата локтем. – Гадость какая!

– Фройляйн Блок! – Голос сестры Агнес напоминал удар хлыста. От неожиданности Гретель подпрыгнула на скамье. – Встать!

По классу прошелестели смешки. Здесь по большей части собрались отпрыски крестьян и мастеровых от шести до пятнадцати лет. Чтобы изучать Закон Божий, не требовалось разделять детей по возрастам, как в обычной школе, посещать которую Гензель и Гретель, конечно же, не имели возможности.

Девочка нехотя поднялась.

– Повтори мои последние слова, – отчеканила сестра Агнес.

Гретель замялась, пытаясь сообразить, что же случилось, когда язычники на свою беду вскрыли-таки могилу Леонтия Халдейского. В голове крутилась лишь тыквенная каша, в которую Гензель предложил бросить ноготь святого. В этот момент из-за спины раздался шепот:

– Небеса разверзлись, и ударил гром.

– Когда язычники потревожили мощи святого Леонтия, – радостно затараторила Гретель, – небеса разверзлись, и ударил гром!

– Чушь! – бросила сестра Агнес. – После занятий отправишься на кухню вместе с дежурными. Надо привести в порядок котлы, помыть их и начистить до блеска!

Гретель тяжело выдохнула и рухнула обратно на скамью, а сестра Агнес двинулась дальше. Сейчас она уже напоминала не сушеную воблу, а долговязую цаплю, бредущую по болоту. Ученики же походили на притихших лягушек, не желающих оказаться в птичьем клюве.

Посреди класса стояла пузатая металлическая печь на кривых, похожих на львиные лапы ножках. Составленная из нескольких секций жестяная труба уходила в потолок. И печь, и труба были холодными – огонь в топке монахини разводили не раньше, чем на оконных стеклах появлялись морозные узоры, а слова молитв срывались с губ вместе с облачками пара. Выждав, когда сестра Агнес окажется по ту сторону печи, Гретель оглянулась. Она хотела знать, кто «удружил» ей, и столкнулась взглядом с Нильсом Дельбруком. Его худое лицо напоминало застывшую маску, голубые глаза смотрели без всякого выражения. А из уголка рта, как обычно, торчала палочка от леденца.

Юноша перегнулся через парту и негромко произнес:

– А правда, что твоя мать по ночам раздевается и в таком виде бежит по лесу? Я слышал, она сумасшедшая!

Девочка ощутила, как вспыхнули щеки, и резко отвернулась. Она знала, что Гензель все слышал, и схватила его за локоть прежде, чем он успел повернуться и ответить Нильсу.

– Что?! – прошипел Гензель. – Мне уже надоело терпеть эти...

– Тихо. – Гретель бросила на младшего брата суровый взгляд. – Хочешь, чтобы и тебя отправили котлы драить?

Мальчик что-то проворчал в ответ и с недовольным видом уставился в раскрытое Писание.

Сестра Агнес не терпела, когда на ее занятиях кто-то отвлекался или болтал. Но если дисциплину нарушал сынок местного пастора, коим и являлся Нильс Дельбрук, с монахиней происходило нечто странное. Казалось, ее глаза поражала слепота, а уши – глухота. Из церковных проповедей и школьных лекций Гретель узнала, что небеса весьма изобретательны по части наказаний. Но чтобы так выборочно...

Над зданием школы возвышалась квадратная башенка. Каждое воскресенье, в полдень, одна из монахинь дергала за витой шнур, что свешивался с потолка в прихожей. Для детей, посещавших воскресную школу, удар колокола на башне означал, что уроки закончились и можно отправляться по домам. А пока Гретель слышала вздохи, сопение и ерзанье – имей нетерпение собственный запах, он бы точно перебил долетавший со двора тыквенный аромат.

– ...Когда же чума и проказа поразила каждого первенца в царстве, язычники наконец раскаялись. – Сестра Агнес, похоже, не понимала, что накануне Праздника Урожая никто не хочет слушать о чудесах святого Леонтия. И уж тем более о чуме и проказе, поразившей его учителей.

Гулкий колокольный отзвук еще не успел растаять над черепичной крышей, а класс уже наполнился криками, смехом и грохотом отодвигаемых лавочек. Дети хлынули к выходу, уже не обращая внимания на сестру Агнес, призывавшую их к порядку.

В проходе Гретель кто-то толкнул. Она оглянулась и увидела Нильса, за спиной которого ухмылялись Йозеф и Курт. Первый был сыном пекаря и целыми днями месил тесто. Вторым разгружал вагоны на железнодорожной станции. Что у одного, что у другого руки напоминали бревно.

– Знаешь, я слежу за тобой, ведьма, – сказал Нильс. В отличие от своих приятелей, он не улыбался.

Сын пастора выглядел не по возрасту строго – белая рубашка выглажена, жилет застегнут на все пуговицы, короткие брюки заправлены в кожаные гетры. Волосы Нильс Дельбрук укладывал на пробор, подражая отцу. Казалось, этот юноша рожден, чтобы однажды надеть облачение священника.

– За собой последи, – произнесла Гретель, напуская на себя безразличный вид. На самом деле под взглядом этих холодных, похожих на осколки церковного витража глаз ей делалось не по себе.

– Отстань от нее, – сказал Гензель, возникая между сестрой и сыном пастора. – Если хочешь найти ведьму, присмотришься к своей мамаше.

Гензелю было всего тринадцать. Такой же светловолосый, как и сестра, он был на полголовы ниже нее. И на целую голову ниже Нильса. Впрочем, рост и размер кулаков сейчас не играли никакой роли – Дельбрук-младший все равно не стал бы драться с Гензелем. Для подобных делишек у него имелись Йозеф и Курт.

Чувствуя, что сейчас брату крепко достанется, Гретель схватила его за руку и попыталась утащить прочь. Гензель не сдвинулся с места. Крылья его носа, вздернутого и усыпанного веснушками, свирепо раздувались.

– Что, снова будешь прятаться за спинами дружков? – поинтересовался Гензель. – А слабо выяснить отношения один на один, как это делают мужчины?

Нильс наградил мальчишку безразличным взглядом, переложил палочку леденца из одного уголка рта в другой и произнес:

– Идемте, парни. Поговорим с этой мелюзгой позже.

Нильс двинулся в сторону выхода, Йозеф и Курт затопали следом.

Только сейчас Гретель заметила в руке у Нильса пузатую книгу в красном кожаном переплете. Это, конечно же, был «Трактат о ересьх, или Жернова ведьм» – руководство для инквизиторов, написанное два века назад. Там говорилось об ужасных деяниях дьявола, о колдовстве и о том, как бороться с ведьмами. Гретель знала, что особый интерес у Нильса Дельбрука вызывает раздел о пытках и дознаниях.

– Не надо было меня останавливать, – проворчал Гензель, рывком освобождая руку. – Я бы ему показал...

– Ничего бы ты никому не показал, – фыркнула Гретель. – Один только кулак Йозефа Шмидта весит как твоя голова. Но в одном ты все-таки прав. Дельбрук – жалкий трус, который прячется за спинами своих дружков.

На самом деле Гретель не считала Нильса трусом и сказала так, чтобы успокоить брата. Сынок пастора учился в общеобразовательной школе вместе с детьми влиятельных и богатых горожан. А воскресную школу посещал лишь потому, что хотел поступать в духовную семинарию. Для Гретель оставалось загадкой, что творилось в голове у Нильса Дельбрука, но он точно не боялся ни ее, ни Гензеля – детей простого дровосека. Скорее, не хотел марать о них руки.

– Йозеф и Курт меня совершенно не пугают, – сказал Гензель, направляясь к выходу из класса, где возникла небольшая давка. – У них мозгов – как у парочки троллей.

– И внешность как у троллей, – поддакнула Гретель.

– И запах!

– Фройляйн Блок, вас ждут на кухне, – напомнила сестра Агнес, когда Гензель и Гретель проходили мимо нее.

Девочка не собиралась увиливать от наказания. Соблазн, конечно, был велик, но такое решение могло выйти боком.

– Уже иду, – буркнула Гретель.

Рожденные в Священном королевстве Рейнмарк знали, что с церковью шутки плохи. По слухам, в столице светская власть по силе не уступала духовной, но здесь как-никак не столица. Марбах представлял собой небольшой провинциальный городок – от силы несколько тысяч жителей. И здесь еще помнили костры инквизиции. Именно поэтому Гретель так нервировали шуточки Нильса про ведьм и чернокнижников. Не хватало еще, чтобы про семью Блок поползли нехорошие слухи. Обвинят в ереси, и что тогда делать?

– Тебя подождать? – спросил Гензель.

– Не, – отмахнулась Гретель. – Боюсь, я здесь надолго застряла!

Верхнюю одежду и головные уборы ученики оставляли в прихожей на деревянных вешалках. Брат и сестра забрали куртки и вслед за другими детьми вышли на свежий воздух. Обшитое вагонкой и крытое черепицей здание воскресной школы находилось прямо за церковью. К учебному году его подновили и покрасили в белый – деньги на ремонт, как обычно, собирала «святая шестерка». Так с легкой руки пастора в городе называли женский церковный комитет.

– Ладно, – сказал Гензель, – значит, дома увидимся.

– Смотри в оба, – напутствовала его Гретель. – Если встретишь Нильса и его шайку, беги!

Гензель ее уже не слушал. Среди детворы, заполонившей церковный двор, он высмотрел мальчишек, живших по соседству, и поспешил к ним. Это были дети углежогов, дровосеков и смолокуров – всех тех, кто обитал рядом с лесом и жил его дарами. Гензелю уже махал Иуда Ган – долговязый и тощий, как зубочистка, сын птицелова. Парнишка в равной степени страдал из-за своего имени и своей фамилии¹. Гретель боялась, что, в очередной раз услышав шутку про тридцать сребреников, бедняга решит последовать примеру библейского Иуды, повесившись на осине или каком-нибудь другом дереве. Впрочем, у Гана хватало друзей – во многом благодаря отличному домику на дереве, который несколько лет назад построил его отец. Тем, кто шутил про тридцать сребреников и поцелуй Иуды, вход туда был заказан.

«Ну, хоть не один домой пойдет», – подумала Гретель, глядя вслед Гензелю.

Приземистое здание кухни располагалось здесь же, на заднем дворе церкви. Кухня примыкала к трапезной, где уже послезавтра соберется городская знать, чтобы поднять кубки со шнапсом в честь Праздника Урожая. Столы для простолюдинов, растивших и собиравших этот самый урожай, будут накрыты на свежем воздухе.

Гретель направилась в сторону кухни, над черепичной крышей которой вздымались закопченные трубы.

– Что, попало от Агнес? – раздалось за спиной.

Гретель оглянулась и увидела Алису Йохансон, рыжеволосую фермерскую дочку. Ее шерстяной кардиган выглядел новее, чем курточка Гретель, доставшаяся ей от матери, а кожаные ботинки – прочнее и дороже. Семья фермера могла позволить себе больше, чем семья дровосека, однако Алиса посещала только воскресную школу и не слишком задирала нос.

– Еще как попало! – отозвалась Гретель. – А ты сегодня помогаешь на кухне? Котлы и все такое?

– Да! – Алиса догнала Гретель, и дальше они пошли вдвоем. – Мари, Клара и Эмма тоже с нами. Ну, хоть завтра не придется драить церковь!

– Зато мне придется, я в списке дежурных! – Гретель закатила глаза. – А послезавтра снова торчать на кухне!

– Не только тебе, – пожалала плечами Алиса. – Послезавтра сюда всю школу сгонят, как обычно. Городская Трапеза – это вам не шуточки!..

Праздник Урожая отмечался в первый день ноября. Начиналось все с торжественной мессы, где пастор благодарил Создателя за обильный урожай, вспоминал святых покровителей Марбаха и молился за души усопших. Гретель слушала эту проповедь из года в год и уже наизусть выучила слова, где говорилось о единстве жизни и смерти: «Все рождается, все умирает – и природа, и человек. Так установил Создатель, таков естественный и незыблемый порядок вещей. Круг замыкается, и прах возвращается к праху».

За мессой следовала Городская Трапеза, по сути, большая тризна, где полагалось вспоминать покойных родственников. А потом горожане дружной толпой отправлялись на кладбище, чтобы привести в порядок могилы.

¹ С немецкого фамилия Ган переводится как «петух». – *Здесь и далее примеч. авт.*

Считалось, что Праздник Урожая и Городскую Трапезу организует церковь, но вся грязная работа ложилась на плечи детей из воскресной школы. Они убирали и украшали собор, подметали огромный церковный двор, ставили столы, готовили традиционную поминальную кашу... Жители Марбаха приносили на празднество свою еду и напитки, но по заведенному порядку каждому доставалась небольшая плошка тыквенной каши из общего котла. В прошлом году Гретель стояла на раздаче и под конец Трапезы едва поднимала черпак. Обязанности распределяли сестры-монахини, но список дежурных мог в любой момент пополниться за счет провинившихся.

Девочки поднялись по ступенькам и вдвоем толкнули тяжелую дверь, ведущую на кухню. Помещение напоминало пещеру с прокопченным до черноты сводчатым потолком. В особые дни, такие, как Праздник Урожая, огонь пылал во всех печах и дым валил из каждой трубы. В будни же здесь готовилась еда для служителей городской церкви и сестер из монастыря Святой Агаты. Для этой цели хватало одной плиты, а многочисленные медные котлы, кастрюли и сковородки благополучно темнели и покрывались зелеными пятнами. Теперь всю эту коллекцию посуды предстояло начистить до блеска.

Глубокие каменные мойки располагались в дальнем конце кухни. Девочки-дежурные уже стаскивали туда громоздкую посуду, громыхавшую, подобно церковным колоколам. Эмма Бломертц – круглолицая, шумная и, как все прачки, довольно крупная – ворочала тяжеленные котлы. Одинаково тощие Клара и Мари снимали с полок многочисленные сковородки, кастрюли и черпаки.

– Ага, вот и помощь прибыла, – сказала Эмма, сдувая со лба белобрысую прядь. С гулким «бом!» опустив котел на каменный пол, она оглядела новоприбывших. – Знаете, я даже благодарна сестре Агнес. Теперь мы быстрее управимся с этой горой посуды!

– Да я знала, что без меня вы не справитесь, – отмахнулась Гретель. – И специально нарвалась!

Клара и Мари Шепард – сестры-близнецы и еще одни соседки Блоков – дружно захихикали. Эмма же рассмеялась так, что из-под каменных сводов кухни отозвалось эхо. Ее руки, лежавшие на дужке котелка, еще не стали такими же красными и опухшими, как у других девушек из прачечной, но все к тому шло.

Работа действительно предстояла немаленькая. Никому не хотелось торчать на кухне до вечера, поэтому дежурные сразу же взялись за дело – разложили потускневшую утварь на полу, натаскали воды, приготовили смесь уксуса и соли, от которой медь начинала сверкать как новенькая. Закончив приготовления, девочки расположились на полу и начали полировать посуду ветошью.

Время от времени кто-нибудь из монахинь заглядывал на кухню проверить, как идут дела. И каждая считала своим долгом сказать: «Старайтесь! Я хочу видеть свое отражение в этом котле, как в зеркале!» Когда третья по счету монахиня повторила ровно одно и то же, Алиса проворчала:

– Может, если мы скинемся им на зеркало, они от нас отстанут? А?

От уксуса щипало глаза и нос, соль разъедала пальцы, и все это вместе мешало сохранять уважительный тон.

– Зачем им зеркало? – фыркнула Эмма, в очередной раз сдувая прядь с широкого лба. – Они же тут все до одной ведьмы, а ведьмы не отражаются в зеркалах!

Гретель, Алиса и близняшки Шепард как по команде оглянулись на дверь, но там никого не было. Только тогда девочки позволили себе сдержанно похихикать.

– Ты путаешь, – сказала Алиса, чьи волосы почти не отличались цветом от медного ковша в ее руках. – В зеркалах не отражаются вампиры.

– Я слышала, если человек при жизни много грешил или занимался колдовством, есть шанс, что после смерти он станет вампиром... – прошептала то ли Клара, то ли Мари. Гретель вечно путала, кто из них кто.

– И как же этому помешать? – поинтересовалась Алиса.

– Надо отрубить колдуну голову, а в сердце забить осиновый кол, – сказала Эмма. – Это каждый знает!

– Не обязательно, – возразила то-ли-Клара-то-ли-Мари. – Достаточно завязать ему рот, а еще лучше засунуть туда камень.

– Если хотите узнать что-то про ведьм, спросите Нильса Дельбрука, – проворчала Гретель. – Он не расстается с «Трактатом о ересях», небось уже наизусть эту дурацкую книжку выучил.

– Интересно, он и про ведьму Пряничного домика знает? – Алиса оглядела подруг.

Девочки как-то разом позабыли про посуду. И только рука Эммы продолжила механически елозить по медному боку котла.

– А вы слышали, что еще один ребенок пропал? – спросила она.

– Да, – кивнула Алиса. – Мальчишка Браунов, портных. Наша семья иногда покупает у них одежду, поэтому я его знаю. Вернее, знала...

– Это уже который по счету? – уточнила Эмма.

– Тридцать девятый, – сказала Алиса. – И это только в этом году! А сколько всего – сказать страшно!

Повисла пауза. Уже несколько лет в Марбахе пропадали дети: сначала пять-шесть в год, потом больше. Полиция считала, что в окрестностях города завелся маньяк. В мае сюда даже приезжал детектив из столицы. Пробыл здесь две недели, опросил местных жителей и арестовал какого-то несчастного бродягу. Телеграфировав начальству, что дело сделано, детектив вернулся домой, а дети продолжили пропадать.

– Интересно, почему Святая инквизиция не схватит ведьму Пряничного домика? – спросила одна из близняшек. – Это же их работа – ловить и наказывать ведьм!

– Потому что ее не существует, – сказала Гретель. – И Пряничного домика тем более. Кто вообще выдумал эту страшилку?!

– А вот девчонки в прачечной другое рассказывали! – Эмма сделала круглые глаза.

– Что? – разом выдохнули Клара и Мари.

Эмма, кажется, только того и ждала. Отложив тряпку, она произнесла:

– Один дровосек заблудился в лесу. Наступила ночь, а он все не мог найти дорогу домой. Ходил он, значит, ходил, пока не заметил среди деревьев огонек. Это светились окна избушки! Подошел дровосек поближе и увидел, что ее стены сложены из пряников, а крыша крыта печеньем, как черепицей. Дровосек проголодался и хотел отломить кусочек, но случайно заглянул в окошко. И там увидел страшную косматую ведьму!

– Могу спорить, аппетит у него сразу пропал, – вставила Гретель.

– Ведьма посадила на лопату ребенка, – продолжила Эмма, – и засунула его прямо в печь! Понял тогда дровосек, что Пряничный домик ведьме нужен, чтобы заманивать голодных детей!

– И кто же это был, интересно? – хмыкнула Гретель. – Я лично знаю всех дровосеков Марбаха. Все они – друзья моего отца. И никто из них ничего такого не рассказывал!

– Правильно, – Эмма пожала мясистыми плечами, – кто же станет о таком трепаться направо и налево?

– Мои родители тоже считают, что это не маньяк виноват, – сказала Алиса. – Обычные убийцы оставляют улики – кровь, порванную одежду. За столько времени кто-нибудь обязательно наткнулся бы на мертвое тело или нашел бы в лесу безымянную могилу. А дети Марбаха исчезают, как будто их... съедают.

Из-за историй о ведьме Пряничного домика некоторые горожане уже начинали косо смотреть на тех, кто жил неподалеку от леса. Нильс Дельбрук не раз говорил, что Блоки спелись с ведьмой и даже помогают ей ловить детей. Когда кто-то начинал травить байки о Пряничном домике, Гретель старалась перевести разговор на другую тему или, как сейчас, давала понять, что не верит в подобные бредни.

– Хочешь сказать, твои родители считают, будто ведьма Пряничного домика действительно существует? – уточнила Гретель.

– Но ведь кто-то забрал этих детей, верно? – вопросом на вопрос ответила Алиса.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась. От неожиданности Эмма вскрикнула, а то-ли-Клара-то-ли-Мари выронила медную крышку, которая покатила через кухню, погромыхая на выбоинах и стыках каменных плит.

– Фройляйн, за работу! – сказала заглянувшая на кухню монахиня. – Пока эти котлы не засияют, как зеркало, вы отсюда не выйдете!

* * *

Собор возвышался над Марбахом мрачной каменной громадиной. Сверху, прилепившись к водостокам, на жителей городка таращились горгульи. Их резко очерченные силуэты напоминали чернильные кляксы, случайно оставленные на сером небе. В детстве Гретель до чертиков боялась этих каменных чудищ. Сказать по правде, они до сих пор немного пугали ее. Направляясь к церковным воротам, девочка, как всегда, пересчитывала горгулий, которым еще в детстве дала имена.

– Карл... Фридрих... рогатый Юрген...

Это был ее способ очеловечить каменных монстров, сделав их не такими пугающими. Безымянная тварь, пляшущая буркала с крыши собора, – это действительно страшно. А вот горгуля по имени Карл – тоже страшно, но уже не настолько.

– Отто... Густав... – бормотала Гретель, загибая пальцы.

Сейчас она точно знала, что горгульи не оживут, не спрыгнут с крыши собора и не утащат ее в преисподнюю. Но в шесть лет такой уверенности у нее не имелось. Только убедившись, что все химеры на месте, маленькая Гретель Блок могла заставить себя пересечь церковный двор и зайти в школу. С годами привычка пересчитывать горгулий никуда не делась.

– Себастьян... – Назвав последнюю горгулью, Гретель миновала кованые ворота и очутилась на городской площади – Марбах-плац.

Кроме собора и монастыря Святой Агаты, здесь расположились полицейский участок, почта и городская ратуша. Часы на ее башенке показывали половину третьего. В центре площади возвышался чумной столб, похожий на каменный палец, указующий в пустое небо. Столб этот возвели уцелевшие после эпидемии жители Марбаха примерно сто лет тому назад. Чуму, как нетрудно догадаться, наслали на город ведьмы, среди которых оказались не только простолюдинки, но и уважаемые фрау, чьи мужья заседали в ратуше. Старики рассказывали, что в тот раз костры Святой инквизиции пылали три дня без остановки.

Между зданиями городских служб притулились многочисленные лавочки, мастерские и ателье. Гретель повернула направо и двинулась вдоль витрин, в которых стояла дорогая посуда, висели аппетитные колбасы и красовались просто-таки огромные головки сыра. Само собой, владельцы этих заведений не обслуживали оборванцев и жителей окраин, а значит, и семью Блок тоже. Гретель направлялась туда, где располагались магазины попроще. Сегодня у нее было поручение – после школы зайти в аптеку и забрать мамины порошки.

Аптека «Хофманн и сыновья» находилась на Торговой улице, той, что вливалась в Марбах-плац между полицейским участком и ратушей. Гретель могла пересечь площадь по диагонали и сэкономить несколько минут, но ей хотелось поглазеть на красивые платья и аппетитные кушанья. Она следовала от витрины к витрине, пока не оказалась напротив закоулка, разделявшего «Марбахские сласти» и магазин тканей фрау Вайс. Там Гретель и увидела Нильса. Он сидел на бочке, поджав под себя ногу, и сосредоточенно изучал содержимое пакета, сложенного из плотной коричневой бумаги. Йозеф и Курт расположились на ящиках, спиной к Марбах-плац.

Гретель застыла от неожиданности – она размышляла о том, сколько королевских марок может стоить атласное платье, выставленное в одной из витрин, а никак не о Дельбруке-младшем и его угрозах. Замешкавшись, она упустила шанс проскользнуть мимо проулка незамеченной. Нильс выбрал конфету и протянул пакет Йозефу... за спиной которого маячила Гретель.

– А там еще оставался грильяж? – пробасил юноша, заглядывая в пакет.

– Кажется, еще оставался. – Взгляд Нильса, устремленный на Гретель, был пугающе неживым. Совсем как у фарфоровых кукол с эмалевыми глазами, которые стояли в одной из витрин. – Поищи на дне.

Бывало, что, гуляя по лесу, Гретель замечала в траве ядовитую змею. В такие моменты ее сердце начинало биться чаще обычного, в животе холодело, а ладони делались липкими. Сейчас из проулка между «Марбахскими сладостями» и магазином тканей на Гретель смотрела не змея, а сын местного священника. Но ощущения практически не различались.

– О, нашел одну, – обрадовался Йозеф.

Гретель услышала, как твердая конфета захрустела на его зубах.

– Приятного аппетита, – безо всякого выражения протянул Нильс.

Отец учил: змее хочется иметь с тобой дело не больше, чем тебе с ней. Увидел ее – просто обойди стороной. Жаль, с Нильсом Дельбруком этот принцип не работал. Девочка резко развернулась и поспешила через площадь. В груди стало тесно, и каждый удар сердца отдавался в ушах.

Приблизившись к чумному столбу, Гретель оглянулась. Нильс, Йозеф и Курт, к которому переключал коричневый пакет, покинули закоулок и теперь прогулочным шагом двигались через Марбах-плац. Разумеется, в ту же сторону, что и Гретель.

«Ничего они мне не сделают, – подумала девочка, подавляя желание перейти на бег. – Вокруг полно народу!»

Решив, что больше не станет оглядываться, она пошла в сторону Торговой улицы. Дельбрук не упускал случая припугнуть ее, оскорбить или унижить. Но Гретель как-то не верилось, что он перейдет от слов к делу.

«В конце концов, я фройляйн, – размышляла Гретель. – Не станет же он лупить меня, как мальчишку!»

Нильс Дельбрук был на год старше Гретель, которой недавно исполнилось четырнадцать. Они познакомились здесь, в воскресной школе. По какой-то неведомой причине сын пастора сразу же обратил внимание на светловолосую девочку, которая всюду таскала за собой младшего брата. Несколько лет он делился с ней игрушками, угощал сладостями и даже защищал от школьных задир. Гретель льстило, что она нравится Нильсу – красавчику, да еще и сыну священника. А потом что-то изменилось. Шутки Нильса стали злыми, он стал все чаще высмеивать Гретель, дочь неотесанного лесоруба.

Однажды Гретель пожаловалась отцу, что отношение Нильса к ней переменялось.

– А еще он говорит, что мы живем в лачуге и одеваемся как попрошайки.

– Дети не понимают сословий, – ответил отец, – и не делают различий между бедными и богатыми. Но вы становитесь старше. Тебе не по пути с Нильсом Дельбруком.

Детская дружба сначала дала трещину, а потом и вовсе рассыпалась. Сейчас Дельбрук-младший мечтал о том дне, когда закончит духовную семинарию и поступит на службу в Святую инквизицию. Времена оголтелой охоты на ведьм вроде бы остались в прошлом, но инквизиторы в Священном королевстве Рейнмарк по-прежнему пользовались огромным уважением. Нильс называл Гретель ведьмой, а всю ее семью – еретиками и чернокнижниками. Это немного пугало.

На Торговой улице было оживленнее, чем на городской площади, и куда шумнее. Хлопали двери лавочек и мастерских, грохотали по брусчатке колеса тележек, продавцы зазывали покупателей, а какая-то тетка во весь голос ругалась с лоточником. В воздухе висел запах свиных сосисок на гриле, свежеспеченных брецелей и горячих булочек с корицей. Гретель не ела с раннего утра, и при других обстоятельствах у нее бы уже потекли слюнки. Однако встреча с Нильсом и его дрессированными троллями напрочь отбила аппетит.

Пройдя полквартала, Гретель решила убедиться, что Нильс действительно свернул на Торговую улицу, и юркнула за чей-то экипаж. Пару минут она следила за прохожими, присев на корточки и выглядывая из-за облепленного грязью колеса.

«Вроде отвязался», – с облегчением подумала Гретель. И уже хотела встать в полный рост, когда среди атласных котелков, кружевных чепцов и соломенных шляп мелькнула прилизанная голова Нильса. Неподалеку маячили серые кепки Йозефа и Курта. Гретель не понравилось, что приятели шли на некотором расстоянии друг от друга, словно загонщики лис, растянувшиеся цепью.

Девочка поспешила прочь, не глядя по сторонам и стараясь сделаться как можно менее заметной. Последний квартал до аптеки «Хофманн и сыновья» она попросту бежала, лавируя между прохожими.

Резко толкнув дверь, составленную из нескольких застекленных секций, Гретель нырнула в плотный аптечный запах. Над головой негодуя звякнул колокольчик. Даже не поискав глазами господина Хофманна, девочка развернулась обратно к двери. Прильнув к стеклянным окошкам, она смотрела на заполненную марбахцами улицу: не мелькнет ли в толпе Дельбрук с приятелями?

За спиной раздалось вежливое покашливание. Звук был негромкий, но Гретель все равно вздрогнула, а оглянувшись, увидела Бонифация Хофманна.

Девочка не знала, сколько лет владельцу единственной в Марбахе аптеки, но выглядел он ровесником ветхозаветных пророков: кожа как полупрозрачный пергамент, на лице и высох-

ших кистях рук – коричневые старческие пятна. Аккуратно уложенные волосы Бонифация Хофманна цветом не отличались от его аптекарского халата.

– Чем могу быть полезен? – Сквозь круглые очки в тонкой проволочной оправе на Гретель смотрели бледно-голубые, почти бесцветные глаза.

В городке болтали, что, занимаясь лекарствами, Хофманн открыл секрет вечной жизни, но, к сожалению, не вечной молодости. «Он так и будет стареть, пока не превратится в ходячий скелет!» – школьники, которые начали первыми рассказывать эту байку, уже сами успели обзавестись внуками. Так что Гретель допускала, что в чем-то эта легенда не врет.

– Здравствуйте, господин Хофманн. – Девочка двинулась через зал, на ходу вытаскивая из кармана смятый рецепт.

Аптека была обшита потемневшими от времени деревянными панелями. Справа и слева на полках теснились баночки из коричневого стекла, флаконы с притертыми пробками, запечатанные сургучом бутылки с микстурами и коробочки с пилюлями. На одном конце полированного прилавка стоял кассовый аппарат; на другом возвышались весы, возле которых, подобно оловянным солдатикам, выстроились гири.

– Я за порошками для мамы, – сказала Гретель, протягивая Хофманну бумажку. – Для Марты Блок.

– Подожди здесь. – Аптекарь даже не взглянул на исписанный неразборчивым «докторским» почерком рецепт. – И, пожалуйста, ничего не трогай.

Ходил Хофманн без трости, но медленно, старческой семенящей походкой. Когда он скрылся в расположенной за прилавком конторе, Гретель метнулась обратно к двери. Одного взгляда хватило, чтобы заметить Нильса с компанией. Они подпирали стену бакалейной лавки напротив аптеки. Гретель попятилась, хоть и понимала, что прятаться бесполезно. Очевидно, Нильс Дельбрук видел, как она заходила в «Хофманн и сыновья», и теперь сторожил у входа.

Гретель вернулась к прилавку. Пару минут спустя вернулся Бонифаций Хофманн с пакетиком из воценой бумаги.

– Рекомендации по приему – те же, что и раньше.

– Конечно.

Девочка забрала лекарство, положила на прилавок купюру в десять королевских марок и дождалась, когда аптекарь отсчитает сдачу. Звякнул, закрываясь, кассовый аппарат, но Гретель не торопилась прощаться.

– Что-то еще? – поинтересовался Хофманн.

– Сказать по правде, да, – кивнула Гретель и, набрав полную грудь воздуха, выдала скороговоркой: – После школы ко мне привязались хулиганы, сейчас они ждут снаружи. Когда я выйду отсюда, меня схватят и, наверное, побьют.

– Что-что? – Седые брови аптекаря приподнялись над проволочной оправой очков.

– Я подумала: наверняка же у вас в аптеке есть черный ход? Если бы вы позволили воспользоваться им... я была бы очень благодарна!

Некоторое время Хофманн изучающе смотрел на Гретель. А потом приподнял натертую воском крышку прилавка и все той же семенящей походкой направился к двери.

«Он ни за что не позволит мне пройти дальше этого прилавка, – подумала Гретель. – И не поверит в историю про хулиганов. Скорее, решит, будто я хочу что-нибудь украсть...»

Хофманн доковылял до двери и сквозь застекленную секцию посмотрел на улицу.

– Это, случайно, не сын преподобного Дельбрука? От него ты прячешься?

– Да, от него, – вздохнула Гретель, понимая, что теперь помощи от аптекаря можно не ждать. – И его дружков, Йозефа и Курта. Они меня все время донимают.

Хофманн вернулся к прилавку, снова приподнял крышку и произнес:

– Прошу.

– Спасибо! – Не веря своей удаче, Гретель юркнула за длинную тумбу, разделявшую зал на две части.

Миновав узкую дверь, Хофманн и его гостя очутились во внутренних помещениях аптеки. Витавший снаружи запах камфары, лакрицы, валерьянки и еще бог знает чего усилился и обогатился новыми оттенками.

Каменное здание, в котором располагалась аптека «Хофманн и сыновья», было одним из самых старых в Марбахе, не считая собора, монастыря и ратуши. Окошки здесь напоминали бойницы, а сводчатые потолки наводили на мысли о винных погребах. Чтобы жить в доме, похожем на рыцарский замок, надо было как минимум владеть единственной на всю округу аптекой. Впрочем, у Хофманнов даже имелся собственный автомобиль – по меркам Марбаха просто-таки невиданная роскошь. Это был черный канцлерваген, слишком хороший и дорогой для здешних дорог.

Проходя мимо какой-то двери, Гретель мельком увидела столы, на которых Хофманн и его наследники готовили микстуры и порошки, – на широких мраморных столешницах стояли дробилки, прессы, керамические ступки с пестиками, разнообразные весы и металлические формы для пилюль, в которых запросто можно было бы отливать пули.

– Сюда, фройляйн Блок, – произнес Хофманн, направляясь к тяжелой, окованной железом двери. За ней оказался длинный, уводящий в темноту коридор.

На мгновение Гретель сделалось не по себе. А вдруг аптекарь, которого подозревали в занятиях алхимией, решил воспользоваться случаем и получить для своих опытов юную девушку? Между тем старик взял со стола керосиновую лампу и шагнул в коридор.

Прогнав из головы дурацкие мысли, Гретель зашагала следом за Хофманном.

– А вы знаете семью пастора? – решила спросить она.

– Преподобный Дельбрук иногда покупает у меня желудочную микстуру и мазь от... – Аптекарь сдержанно кашлянул. – И мазь. Каждый раз он рассказывает, что его сынок, этот Нильс, мечтает поступить на службу в Святую инквизицию. И ведь поступит, помяни мое слово.

– Ага, Нильс просто спит и видит, как однажды станет инквизитором, – проворчала Гретель. Тени от керосиновой лампы скользили по каменным стенам, и казалось, что старика и девочку сопровождают призрачные фигуры. – Он «Жернова ведьм» наизусть уже выучил...

– Да, «Жернова ведьм»... известная книжка, не то что трактаты по медицине или фармацевтике. Ты вот можешь назвать хоть один?

– Нет, – призналась Гретель. Ей почему-то сделалось неловко за собственное невежество, хотя дочь лесоруба, получавшая образование в воскресной школе, и не обязана знать такие вещи.

– Правильно, – кивнул Хофманн. – Зачем изучать медицину, если Святая инквизиция и так может остановить любую эпидемию. Помню я, как отцы-инквизиторы справились с чумой тысяча восемьсот седьмого года.

– А вот про это я слышала! – обрадовалась Гретель. – Чумной столб на площади поставили, когда болезнь отступила.

– Все верно. И всего-то нужно было сжечь сотню-другую ведьм... – пробормотал аптекарь. – А заодно и мою...

Последние слова старика Гретель почти не расслышала, но ей показалось, что он сказал «и мою дорогую Герду». А потом девочка вдруг сообразила – Хофманн сказал, что помнит чуму 1807 года. А ведь это произошло более ста лет назад! Точнее, сто два года назад! Так сколько же ему лет в самом деле?!

Коридор закончился очередной дверью. Аптекарь отодвинул засов и толкнул створку. Гретель увидела улицу, запряженные лошадьми повозки и спешащих мимо прохожих. С пер-

вого взгляда она поняла, что очутилась на Генеральской улице, которая шла параллельно Торговой. Теперь Нильс мог хоть до вечера караулить ее возле аптеки!

– Будьте осторожны, фройляйн Блок, – напутствовал ее Хофманн. – Не связывайтесь с хулиганами.

– Спасибо. – Гретель захотелось обнять старика, но она, конечно же, сдержалась. – Вы не представляете, как меня выручили!

Дверь захлопнулась, и Гретель поспешила прочь. Настроение у нее моментально улучшилось. Несмотря на мрачноватую погоду и серое небо, ей хотелось напевать, чем она и занялась, едва покинув оживленные районы города. Теперь путь ее лежал по кривым безлюдным улочкам и дальше, вдоль Сырого Погоста и Зальц-Ахена.

Гретель шла размашистым шагом, мурлыча старую солдатскую песенку:

*– И плевать, что небогат, —
Песню громче пой, солдат!*

Эти куплеты любил напевать за работой отец Гретель. Причем некоторые вовсе не предназначались для ушей юных фройляйн.

Слева тянулся покосившийся деревянный забор, справа – овраг, склоны которого сплошь заросли ежевикой. А за оврагом возвышалась полуразрушенная каменная ограда – все, что осталось от старого кладбища. Сейчас участок земли между оградой и правым берегом Зальц-Ахена назывался Сырым Погостом. Само собой, это место считалось нехорошим, и марбахцы старались обходить его стороной.

Старое кладбище смыло в 1870 году, весной, когда Зальц-Ахен вышел из берегов. От разлива пострадал почти весь город. Сестра Агнес утверждала, что вода не коснулась только собора и монастыря Святой Агаты.

– Ведьмы не могут нанести вред тому, что священо, – говорила монахиня, и ее голос подрагивал от праведных эмоций. – Бог отвел воды от наших стен, но не пощадил грешников!

В наводнении обвинили ведьм. Святая инквизиция провела расследование и осудила тринадцать женщин – в сравнении с процессом 1807 года не так уж много. Во время допроса ведьмы сознались, что хотели уничтожить Марбах, смыв его с лица земли. Для этого они принесли в жертву черного козла, утопив его в Зальц-Ахене. Вообще, река, бравшая начало в Альпах, разливалась каждую весну, когда в горах начинал таять снег. Сестру Агнес возмущало, что некоторые горожане до сих пор пытались оправдать ведьм, утверждая, что к наводнению 1870-го могли привести естественные причины.

– Их устами говорит дьявол. Ничего, рано или поздно Святая инквизиция доберется до каждого еретика в этом городе!

Гензель и Гретель Блок, как и все дети окраин, не раз бывали на Сыром Погосте. Из болотистой земли там торчали каменные кресты и верхушки надгробий, а в прибрежном песке ничего не стоило откопать человеческий череп. Все это одновременно и пугало, и притягивало.

Гензель всерьез верил, что где-то на Сыром Погосте есть могила, доверху набитая золотом. Городская легенда, популярная среди мальчишек, гласила, что первый бургомистр Марбаха был таким жадным, что завещал похоронить себя вместе со своим богатством. Но поскольку золото на тот свет не унесешь, его душа оказалась навсегда прикована к сокровищам. Самые отчаянные дети пытались увидеть призрак бургомистра, в сумерках гуляя по Сырому Погосту. Гензель и Гретель тоже лазили за каменную изгородь после заката, но встречали только диких собак и енотов.

В отличие от брата, Гретель никогда особо не верила в легенду о призраке бургомистра. Сейчас, при дневном свете, Сырой Погост и вовсе не казался таким уж страшным. Гретель

напевала веселую песенку и как раз добралась до самых неприличных куплетов, где бравый солдат заглянул на огонек к веселой трактирщице:

*Развяжи тугой корсет,
Раз уж мужа дома нет!
Кофту с фартуком долой —
И в атаку, рядовой!*

В этот момент кто-то схватил Гретель за плечи и толкнул в овраг. Вскрикнув, она пока- тилась вниз, цепляясь одеждой за колючие кусты.

Овраг был неглубоким, но от удара о каменистое дно у Гретель перехватило дыхание. Она упала на спину и несколько секунд просто лежала, не шевелясь и защищая лицо ладонями. Откуда-то сверху послышался смех.

– Ловко ты ее! Раз – и в овраг!

– Ну да!.. Она и пикнуть не успела!

Гретель отняла руки от лица, но увидела над собой лишь неприветливое небо. По нему плыли облачка, похожие на клочья грязной пакли. Тогда Гретель приподнялась на одном локте и сквозь заросли разглядела две одинаковые серые кепки. На краю оврага стояли Йозеф и Курт.

Морщась от боли в ушибленных боках, девочка поднялась на ноги. Кисти, которыми она защищала лицо, покрылись красными росчерками, и каждый горел огнем. Чулки порвались, а на курточку нацепились колючки.

Йозеф и Курт смотрели на Гретель сверху вниз и лыбились, как два идиота. Нильс Дель- брук стоял чуть поодаль, на его лице застыло отсутствующее выражение.

– Что вам надо? – прокричала Гретель, надеясь, что ее услышит кто-нибудь еще, кроме этой троицы. – Чего вы ко мне привязались?

– Достаньте ее оттуда, – распорядился Нильс вместо ответа.

Йозеф и Курт начали спускаться по осыпающемуся склону. Не дожидаясь, когда до нее доберутся, Гретель бросилась в противоположную сторону, туда, где вздымался серо-корич- невый кладбищенский забор. Она помогала себе руками, уже не обращая внимания на колю- чие кусты и острые камешки. Позади – совсем рядом – слышались сопение и неразборчивые ругательства. Гретель почти достигла верха, когда чьи-то жесткие пальцы скользнули по ее щиколотке. Затрещали, дорываясь, чулки. Девочка вскрикнула и не глядя лягнула того, кто находился за ее спиной. Каблук угодил во что-то мягкое, послышался хруст и дикий, полный злобы вопль.

– Эта сука сломала мне нос!.. Курт, она сломала его!

Гретель выбралась из оврага и бросилась налево, по узкой тропинке между каменной стеной и колючими зарослями. Йозеф и Курт немного отстали, но девочка понимала, что это ненадолго.

Овраг подходил все ближе к изгороди, и вскоре Гретель начала задевать локтем неровную кладку. Комья земли осыпались из-под ног, ветви ежевики цеплялись за порванные чулки и царапали лодыжки. А тропинка продолжала сужаться. В какой-то момент Гретель пришлось повернуться боком и идти, прижимаясь спиной к забору. Одно неосторожное движение, и она бы снова очутилась на дне оврага, в колючих зарослях.

Тропинка заканчивалась там, где овраг встречался с кладбищенской оградой. Фундамент в этом месте просел, и целый участок древней кладки обрушился. Там, где когда-то стоял забор, теперь возвышались груды замшелых камней, на которых уже выросли деревца.

Взбираясь по шаткому кургану, Гретель сделала вид, что споткнулась, а сама незаметно подобрала камень. Йозеф и Курт почти догнали ее, и дело неизбежно шло к драке. А если уж

приходится драться, лучше бить первой – эту мудрость Гретель Блок, девочка, выросшая на городских окраинах, усвоила еще в раннем детстве.

– Сейчас ты у нас получишь!.. Ведьма!.. Вот мы тебя!..

Выждав пару секунд, Гретель развернулась и с гортанным выкриком швырнула камень. Курт, возглавлявший погоню, вжался спиной в забор, и увесистый булыжник пролетел мимо.

– Только попробуй кинуть в меня еще что-нибудь! Я закопаю тебя прямо за этим забором, поняла?!

Гретель потянулась за новым снарядом, когда на тропинке возник Йозеф. Его губы и подбородок заливала кровь из расквашенного носа, лицо перекосила страшная гримаса. Оставив на колючках обрывки штанов, он в считанные секунды очутился возле Гретель и повалил ее на камни. Уже второй раз за последние несколько минут у нее пресеклось дыхание, а перед глазами поплыло.

Гретель задергалась, но Йозеф навалился на нее всей массой.

– Мундир пестреет от заплат? Песню громче пой, солдат...

Девочка повернула голову на голос и увидела Нильса. Молодой человек взобрался на каменную грудку, выставил одну ногу вперед, а руками облокотился на согнутое колено. Глядя на Гретель сверху вниз, он произнес:

– Как там еще было в песенке? Что-то про веселую трактирщицу, кажется... Кофту с фартуком долой... и в атаку, рядовой...

Нильс нарочно встал так, чтобы его ботинок почти касался лица Гретель. Девочка попыталась отвернуться, но Йозеф налег на нее с новой силой.

– Подними ее, что ли... – протянул Нильс безразличным тоном.

Йозеф пыхтя встал и рывком поднял Гретель. А потом заломил ей руку за спину, да так, что затрещали суставы. От резкой боли девочка вскрикнула.

– Она сломала мне нос, – прогундосил Йозеф.

– Хватит жаловаться. Давай-ка лучше отведем ее туда. – Нильс указал на дыру в заборе.

Понимая, что на Сыром Погосте ее не ждет ничего хорошего, Гретель закричала и задергалась. В тот же миг ее руку, от лопатки до кончиков пальцев, пронзила острая боль. Крик превратился в тоненькое завывание.

– Если будешь орать, – сказал Нильс, – Йозеф сломает тебе руку. Поняла?

Гретель кивнула, и боль немного уменьшилась.

– А ну-ка, топай. – Гретель ощутила возле уха разгоряченное дыхание Йозефа. Прежде чем она успела сделать шаг, парень толкнул ее корпусом.

Они спустились по шатким камням и очутились среди деревьев. Корни впивались в каменистую почву, подобно узловатым пальцам, густые кроны сплетались. Марбахцы, жившие по соседству со старым кладбищем, могли бы собирать здесь хворост, а деревья рубить на дрова. Но все без исключения предпочитали ходить в лес, пусть это и занимало больше времени. В итоге Сырой Погост сам стал похож на лес. Деревья загораживали Зальц-Ахен, и лишь тяжелый, напитанный влагой воздух давал понять, что неподалеку находится река.

Нильс огляделся и, указав на мрачноватый коридор между стволами, произнес:

– Туда.

Там, где не росли деревья, поднимались густые заросли крапивы. Кое-где из кустов торчали верхушки вросших в землю обелисков, но в остальном Сырой Погост уже много лет не имел ничего общего с кладбищем.

– Давай, шевелись, – бубнил Йозеф, пихая Гретель в спину.

Тропинка привела к старому развесистому дубу, под сенью которого стояло чудом уцелевшее надгробие – каменная тумба, а на ней коленопреклоненный ангел. Время и вода поработали над фигурой из белого известняка, затемнив крылья и превратив печальный лик в жуткую, покрытую грязными потеками маску.

– Может, здесь остановимся? – спросил Курт.

– Нет, мы пройдем дальше. – Нильс указал на ограду, которая еще виднелась среди стволов. – Не хочу, чтобы нам помешали.

В этот момент Гретель испугалась по-настоящему. Она уже смирилась с тем, что ее избыют. Но вдруг Нильс решил ее убить, а тело сбросить в реку? Он – сын пастора, ему что угодно сойдет с рук. А полиция просто добавит еще одно имя к списку пропавших детей.

– Герр Хофманн знает, что вы меня преследовали, – сказала Гретель. – Если со мной что-то случится, это быстро всплывет.

– Лучше заткнись, – прошипел Йозеф. – Иначе сама всплывешь, в реке, через несколько дней.

Гретель тут же пожалела, что вообще открыла рот.

Каменная ограда давно скрылась за деревьями, а Нильс и не думал останавливаться. Под ногами валялись обломки крестов и надгробий, в воздухе явно ощущался запах тины – еще немного, и покажется Зальц-Ахен. Гретель подумала о призраке жадного бургомистра. Сейчас она бы обрадовалась и самому черту, лишь бы тот избавил ее от Дельбрука и его цепных псов!

– Здесь, – бесцветным голосом обронил Нильс.

Йозеф отпустил Гретель, но бежать ей было некуда – враги обступили ее с трех сторон. Потирая ноющее плечо, она спросила:

– Ну и что дальше? Хотите меня отлупить? Могли бы сделать это поближе к дороге!

Она старалась говорить вызывающе, но, кажется, у нее плохо получалось.

– Я не собираюсь тебя лупить, – сказал Нильс. – Я собираюсь предать тебя суду, как ведьму.

– Чего? – пробормотала Гретель. – Я не ведьма, а ты пока что не инквизитор. Что за дурацкие игры?

Нильс глубоко вздохнул и расправил плечи. А потом отчеканил совсем другим, незнакомым голосом:

– Я обвиняю тебя, Гретель Блок, в колдовстве и связях с дьяволом!

Девочка вздрогнула от неожиданности. Обычно взгляд Нильса был не выразительнее, чем у рыбы, которой отрубили голову. С одним и тем же нейтральным выражением лица Дельбрук-младший и молился, и сквернословил. Но сейчас Гретель почудилось, что под этой маской, изображавшей человека, проступила другая, жутковатая личина. Даже Йозеф и Курт, глядя на него, удивленно заморгали.

– Обвиняемая Гретель Блок составила пакт с демонами, обменяв свою бессмертную душу на колдовские способности. Посредством чар она навела на жителей Марбаха порчу, насылала болезни на животных и посева.

В голосе Нильса звенели напряженные металлические нотки, зрачки странно расширились, а черты лица заострились. Увидев на его виске пульсирующую жилку, Гретель всерьез испугалась за собственную жизнь.

– Натираясь магическими снадобьями, сваренными из жира христианских младенцев, Гретель Блок совершала полеты к местам ведьминских шабашей. Там она совершала мерзостные обряды, поклонялась дьяволу и попирала церковные святыни.

– Что ты несешь? – выдохнула Гретель.

Нильс принялся выхаживать среди каменных обломков – три шага влево, три шага вправо.

– Нам известно множество способов, как изобличить ведьму. Но чаще всего достаточно одного... Чего смотрите, дубины? Мне нужно, чтобы она не дергалась, когда мы начнем!

Подручные Нильса продолжали стоять с туповатым выражением на лицах. Казалось, их заморозил монолог, так напоминавший обвинительные речи, что произносили на судебных процессах отцы-инквизиторы.

– Ну же! – прикрикнул Нильс.

Йозеф и Курт очнулись, словно по щелчку. Один вцепился в левую руку Гретель, другой – в правую.

– Продав душу, ведьма начинает прикармливать бесов собственной кровью, – сказал Нильс, приближаясь к Гретель. – Для этого на ее теле имеется специальное место. Этот сосок может выглядеть как уродливая родинка, родимое пятно или незаживающая язва. И нам придется его отыскать...

Гретель поняла, что сейчас будет, и задергалась, но Йозеф и Курт держали крепко.

Дельбрук-младший остановился в полушаге от Гретель и что-то вытащил из кармана. Девочка не могла оторвать взгляда от его безумных глаз, поэтому не знала, что именно. Зашуршала обертка, и Нильс положил в рот леденец. Быстрым движением деревянная палочка переключалась из левого уголка рта в правый и обратно.

– Для этого придется ее раздеть.

Йозеф и Курт не пошевелились. Повисла пауза. Нильс приблизил губы к уху Гретель и доверительным тоном сообщил:

– Я знаю, как следует поступать с ведьмами. – В его дыхании чувствовался запах леденца, сладковатый и тошнотворный одновременно. – Может, тебе даже понравится.

– Мы что... – Курт громко сглотнул, и его кадык хрустнул, как сухая ветка под ногой. – Мы действительно собираемся это сделать?

– Разумеется! – Глаза Нильса сверкнули. – Иначе какого черта мы ее сюда притащили?! Снимайте с нее куртку! Потом фартук и платье!

Йозеф и Курт принялись стаскивать с Гретель ее старую курточку, после падения в овраг облепленную листьями, травинками и утыканную колючками ежевики. Они двигались неловко и медленно, как сомнамбулы, хотя незастегнутую куртку можно было снять за пару секунд. А Нильс Дельбрук стоял в шаге от них и наблюдал за происходящим.

Время для Гретель словно замедлилось. Несмотря на вечные сумерки, царившие на Сыром Погосте, мелкие детали ландшафта прорисовались с предельной четкостью. Гретель ясно видела каждую веточку и каждый лист, видела муравья, ползущего по воротнику Йозефа. Видела, как палочка от леденца скользнула по нижней губе Нильса и его левая щека вздулась шариком. И вдруг поняла, что нужно делать.

Гретель одним движением выскользнула из куртки, оставив ее в лапах Йозефа и Курта, как ящерица оставляет хвост. Сжала кулак и что есть силы ударила Нильса в щеку, за которую тот положил леденец. Раздался отвратительный хруст, и щека провалилась внутрь. А секунду спустя Сырой Погост содрогнулся от безумного вопля. Острота чувств еще не покинула Гретель, и она услышала, как в небо вспорхнули птицы, сидевшие на ближайших деревьях.

Нильс орал, согнувшись пополам и схватившись за лицо, Йозеф и Курт застыли в растерянности. Гретель вырвала у них куртку и бросилась прочь. Ее кулак еще чувствовал, как твердый леденец проваливается глубже, дробит зубы, словно молоток. Отвратительное ощущение. Зато теперь преподобному Дельбруку предстояло раскошелиться на дантиста!

– Догнать ее! – раздалось за спиной. – Привести ко мне!

Гретель петляла среди деревьев. Несколько раз она резко меняла направление и уже сама не очень понимала, в какую сторону бежит. Ветви хлестали по плечам, задевали лицо, и все, что Гретель оставалось, – защищать глаза. Внезапно деревья остались позади, и она очутилась над обрывом. Внизу неторопливо нес темные воды Зальц-Ахен.

После наводнения 1870 года берег никто не укреплял, и при каждом разливе река точила Сырой Погост, как рубанок плотника точит крышку соснового гроба. Деревья, росшие на самом краю, наклонились над водой. Некоторые еще держались корнями за влажную почву, другие уже лежали внизу. Вода омывала их осклизлые стволы и голые ветви.

Обрыв уходил вниз метра на два с половиной. Гретель натянула куртку и начала спускаться, цепляясь за корни и выступающие камни. Глинистая почва осыпалась из-под подошв большими липкими комьями, корни легко отделялись от земли, стоило за них потянуть. Когда под ногами оставалось всего полметра пустоты, узловатое, похожее на варикозную вену корневище вышло из ложа. Резко натянувшись, оно швырнуло в лицо Гретель пригоршню грязи и мелких камней. В тот же миг глаза словно засыпало толченым стеклом. Корень заскользил в ладонях, и Гретель выпустила его.

Каждой весной Зальц-Ахен наполнял русло, чтобы к осени снова обмелеть. Сейчас глинистый обрыв и кромку воды разделяло несколько шагов. Гретель упала на спину, но тут же перевернулась и встала на четвереньки. Слепшая, она поползла вперед, по песку и грязи. Почувствовав руками воду, девочка продвинулась еще немного, набрала полную пригоршню и попыталась промыть глаза. Сначала ей показалось, что под веками зашевелились мелкие иглы. Но потом вода сделала свое дело, и резь уменьшилась.

Гретель подносила пригоршню воды то к одному, то к другому глазу, когда со стороны Сырого Погоста послышались голоса. Пока еще далекие и неразборчивые, они понемногу приближались. Гретель поднялась на ноги и, отчаянно моргая, огляделась.

– Мы тебя найдем, слышишь?! – донеслось из-за деревьев. – Ты у нас получишь!

В грязном месиве отпечатались ее колени и кисти рук с растопыренными пальцами. Даже полный идиот не пропустил бы такой след. Чертыхнувшись, Гретель стянула ботинки и на цыпочках вернулась к обрыву. Она собиралась идти вверх по течению, туда, где заканчивался Сырой Погост и начинались поля. Фермеры собрали урожай кукурузы в конце сентября, оставив подсохшие стебли шелестеть на ветру. Там ничего не стоило затеряться.

«Пусть Курт и Йозеф побегают, поищут», – подумала Гретель.

Она сделала буквально три шага вверх по реке, когда ее взгляд упал на вертикальную дыру, скрытую переплетением корней. Едва заметная с берега, пещера выглядела достаточно глубокой, чтобы в ней спрятаться. Недолго думая, девочка нырнула под нависающие корневища и заглянула в дыру.

Изнутри тянуло сыростью и мертвечиной. Скорее всего, внутри сдохла крыса, а может, и большущий енот. Впрочем, выбирая между Нильсом Дельбруком и дохлым енотом, Гретель не задумываясь выбрала бы енота. Повернувшись боком, она стала протискиваться в узкую щель.

Шаг, другой, третий... Зев пещеры сначала сузился, а потом вдруг сделался шире. Гретель почувствовала под ногами твердый пол. Вслепую вытянув руки, она с удивлением нащупала гладкие каменные стены и низкий потолок, покрытый скользкой пленкой.

«Это склеп!» – запоздало сообразила Гретель. Зальц-Ахен подмыл его, как и сотни других захоронений, разрушив обращенную к берегу стену. Представив, что именно сейчас валяется под ее ногами, Гретель содрогнулась, но возвращаться не стала. Голоса Йозефа и Курта приближались.

Гретель повернулась на свет. Она знала, что снаружи ее не видно, и затаилась, как зверек в норе. Сверху посыпались комья земли, и на берег грузно спрыгнул Йозеф.

– Смотри, кажется, она ползла к воде. Тут отпечатались ладони.

Рядом с приятелем приземлился Курт.

– Может, это была не Гретель? Зачем ей ползать на четвереньках?

– Откуда я знаю? Может, она подвернула ногу, когда спускалась! Надеюсь, так оно и было.

– А потом что? – спросил Курт. – Уплыла?

– Нет, – покачал головой Йозеф. Гретель отлично видела его коротко стриженный затылок. – Наверное, ушла по берегу. Только вот в какую сторону?

– Значит, так. Я пойду направо, а ты – налево. Так мы ее точно не упустим!

Йозеф и Курт разошлись, а Гретель осталась стоять у дыры, ведущей обратно в мир живых. Вокруг царил непроглядный мрак, но воображение рисовало ей сгнившие гробы,

череп, ставшие хрупкими, как яичная скорлупа, и кости, разбросанные по полу. Когда поясница разнылась от долгой неподвижности, Гретель осторожно переступила с ноги на ногу. Тут же ее лица коснулось что-то упругое и влажное, похожее на длинный язык. Девочка отшатнулась, едва сдержав крик, а уже потом сообразила, что это просто корень, пробивший каменный потолок. После этого Гретель не шевелилась, чтобы ничего не задеть. В нос бил запах плесени, влажной земли и разложения, в котором ей почему-то мерещился приторный аромат обслюнявленного леденца.

Спустя какое-то время Гретель начала бить крупная дрожь, а по щекам побежали слезы. В ушах звучал голос Нильса: «Я знаю, как следует поступать с ведьмами. Может, тебе даже понравится». Чтобы унять дрожь, девочка обняла себя за плечи и крепко, до боли в зубах стиснула челюсти. Так она простояла около двух часов.

* * *

На Смолукурную улицу, в конце которой стоял ее дом, Гретель свернула уже в сумерках. Она не представляла, как будет оправдываться, когда мать увидит ее перепачканное платье, утыканную колючками куртку и разорванные чулки.

«Скажу как есть, что на меня напали хулиганы, – решила Гретель. – Хоть бы отец был дома и заступился!..»

Мать, конечно же, не станет ничего слушать. Она будет кричать, закатывать глаза и заламывать руки, как сумасшедшая, а потом схватится за розгу. Марта Блок могла впасть в ярость из-за любой мелочи, а уж из-за порванных чулок и подавно. Что бы ни случилось, виноватыми у нее всегда оказывались собственные дети. Гензель и Гретель были для нее «невыносимыми», «гадкими», «дрянными», и никак иначе.

Раньше Гретель могла часами лежать без сна и размышлять о том, почему мама ее ненавидит. «Наверное, я действительно ужасная, – думала девочка, прислушиваясь к волчьему вою, долетавшему из леса. – Если я умру, ей станет лучше».

Когда Гретель было одиннадцать, у нее появилась привычка тайком наносить себе порезы, слегка рассекая левое запястье. Сначала она делала это в ванной при помощи папиной опасной бритвы. Стоя над жестяным тазом, Гретель могла подолгу смотреть, как тонкая струйка крови стекает по пальцам и расходится в грязной воде. Потом она стащила бритву (отец, обладатель густой бороды, не заметил пропажи) и спрятала ее под соломенным тюфя-

ком в их с Гензелем комнате. Так она всегда могла порезать себя, даже если в ванной кто-то находился. Когда бритва касалась кожи, физическая боль ненадолго вытесняла душевную.

«Я плохая. Я это заслужила», – думала маленькая Гретель Блок, полосуюя руку лезвием. Привычка резать себя ушла после одного жуткого случая, когда с бритвой в руках ей пришлось защищать собственную жизнь и жизнь младшего брата.

Сейчас Гретель понимала, что они с Гензелем – обычные дети, не хуже и не лучше других. А вот у мамы в голове все перепуталось. Но и сейчас, когда Марта Блок начинала вопить и сыпать нелепыми обвинениями, на Гретель накатывало чувство вины.

Редкие доски, по которым шла Гретель, вросли в застывшее глинистое месиво. Градоправители прошлого сделали хорошее дело, выложив Марбах-плац и центральные улицы гранитом. В менее зажиточных районах каменная брусчатка сменялась деревянной, а вот жителям городских окраин оставалось месить ногами грязь. Шагая к дому, Гретель по привычке приподнимала подол, хотя ее платью, побывавшему в овраге, на Сыром Погосте и даже в склепе, уже ничего не могло навредить.

Вдалеке Гретель разглядела каменную трубу своего дома – вертикальный росчерк на фоне темного неба. Мать, наверное, уже приготовила похлебку. И если ангелы, приставленные смотреть за юными фройляйн, хоть немного благоволят Гретель, отец сейчас сидит у камина и ждет, когда накроют на стол.

По меркам Смолокурной улицы дом, где жила семья Блок, был весьма неплох. С крепкими бревенчатыми стенами, большим камином, сложенным из дикого камня, и двускатной крышей, крытой лесным дерном. Томас Блок построил хижину своими руками в год, когда обручился с Мартой. А еще он сам сделал всю мебель – столы, стулья, кровати и сундуки. Друзья говорили, что Томас мог бы стать неплохим плотником и зарабатывать больше, чем любой дровосек. «Нет уж, я слишком люблю лес, – отшучивался тот. – В лесу всегда тишина и покой, не то что в городе...»

– Гретель, это ты? – Прозвучавший за спиной голос определенно принадлежал одной из сестер Шепард.

Нехотя оглянувшись, Гретель различила лишь темный силуэт. На окраинах Марбаха никто не хотел попусту тратить дорогой керосин, поэтому ближайший фонарь горел над порогом таверны «Мышка, птичка и жареная колбаса». То есть на соседней улице.

– Клара? – предположила Гретель.

Не далее как сегодня днем она, сестры Шепард и другие девочки вместе начищали котлы, ругали монахинь и пугали друг друга ведьмой Пряничного домика. С тех пор столько всего случилось, что Гретель казалось: прошла неделя, а то и больше.

– Да, это я! Чего так поздно гуляешь?

– Отец послал отыскать Гензеля, – на ходу сочинила Гретель. – А сама-то чего бродишь, как привидение?

– Мы с Мари делаем костюмы на завтра, – сообщила девочка. – Я ходила к соседям за краской. Угадай, что мы придумали?

Клара подходила все ближе. Лившегося из окошек соседних домов света было бы недостаточно, вздумай Гретель почитать Писание. Но чтобы различить порванные чулки и перепачканное платье, его вполне хватало.

– Прости, я очень тороплюсь! – сказала Гретель, отступая. Девочка не хотела, чтобы сестры Шепард знали, что она попала в переделку. Пусть они и ее подруги, но слыли знатными сплетницами. – Боюсь, как бы отец не разозлился!

– Мы же завтра идем колядовать? – спросила Клара. – Вы с Гензелем костюмы-то успели сделать?

– Да, да, идем! – крикнула Гретель, быстрым шагом направляясь к дому. – Как договаривались!

Квадратная труба, над которой вился дымок, все приближалась, а вскоре в полумраке замаячила знакомая крыша. Сейчас, в середине осени, она зеленела ото мха, как лесная полянка. Снаружи это выглядело мило, вот только дела, которые творились под этой крышей, не всегда вызывали улыбку. Вздыхнув, Гретель подошла к двери и тщательно вытерла ноги о ребристую деревяшку, лежавшую у порога. Пол в доме, само собой, был земляной, утоптаный «в камень». Его никто никогда не мыл, как, например, каменные полы собора Святого Генриха или деревянный пол в школе. Однако Гретель каждый день подметала все комнаты.

Зайдя в дом, девочка очутилась в «каминном зале», как любил именовать общую комнату Томас Блок. Возле пылающего очага стояло его деревянное кресло с прямой спинкой и отполированными до блеска подлокотниками. После работы отец обычно сидел в нем, вытянув ноги к огню и посасывая трубку, но сейчас кресло пустовало. Матери не было ни у разделочного стола, над которым висела нехитрая медная утварь, ни у прялки.

Гретель быстро сняла курточку и повесила ее на крючок справа от входа. «Наверное, папа с друзьями в таверне, – подумала она, на цыпочках направляясь к двери, ведущей в их с Гензелем комнату. – А мама или в спальне, или в ванной...»

В «каминном зале» было душно и как-то слишком уж влажно. Огибая круглый обеденный стол, возле которого стояло четыре стула, Гретель сообразила: в преддверии Праздника Урожая мама наполняла ванну.

Большая металлическая купальня была приданым Марты, дочери жестянщика. На Смолокурной улице только Блоки могли похвастаться чем-то подобным. Томас очень гордился, что у него имеется настоящая ванна, прямо как у бургомистра или епископа, и даже сделал к дому специальную пристройку с каменным полом, не размокавшим от воды.

Гретель осторожно приоткрыла дверь, ведущую в их с Гензелем спальню. Темно...

– Гензель, ты здесь? – позвала она полусшепотом. – Спишь?

Ей ответила тишина. Похоже, младший брат задержался у друзей или просто шатался где-нибудь. Гретель не могла винить его за это – на улице дети Томаса и Марты Блок чувствовали себя в большей безопасности, чем у себя дома.

– Это еще что?!

Гретель вздрогнула и резко повернулась на голос. Мать, в домашнем платье и переднике, стояла у двери в ванную. Ее волосы, такие же светлые, как у Гензеля и Гретель, были влажными.

– Ты что, в аду побывала, чертовка?!

Гретель подумала, что ее мать недалеко от истины, но вслух сказала:

– На меня напали хулиганы. Это все Нильс и его...

– Чулки! – Марта вылупилась на голые коленки Гретель. – Во что ты их превратила?! Думаешь, отец для того каждый божий день надрывается в лесу, чтобы вы вот так портили одежду?!

Сказав это, она в три широких шага пересекла «каминный зал» и нависла над дочерью. У Марты Блок было худое лицо и зеленые глаза, которые она умела тарачить почище любой совы. Пребывая в спокойном расположении духа, мать выглядела пусть и изможденной, но все же довольно красивой женщиной. Глядя на Марту в такие моменты, Гретель могла понять, почему Томас Блок остановил на ней свой выбор. Но когда из мамы, по выражению Гензеля, «лезли черти», она становилась похожа на злобную ведьму.

Марта еще не успела замахнуться, а Гретель уже зажмурилась и втянула голову в плечи. Прошла секунда, другая, и девочка услышала долгий выдох. Открыв глаза, она обнаружила, что лицо матери, только что искаженное безумной гримасой, расслабилось, а взгляд потух, сделался рассеянным.

– Ты вся грязная, – произнесла Марта совершенно нормальным, разве что слегка усталым голосом. – Вода еще теплая. Иди помойся.

Такое случалось нечасто. Не веря своей удаче, Гретель без лишних слов поспешила в ванную.

Внутри было влажно и тепло. Посреди комнатки расположилась купальня, полная мыльной воды. Таз для умывания стоял на полу, а его обычное место на табурете заняла керосиновая лампа с закопченным плафоном. Прикрыв дверь, девочка разулась, сняла фартук, платье и нижнее белье. Пришедшие в негодность чулки отправились в угол, к другим тряпкам.

Раздевшись, Гретель переступила жестяной бортик ванны. Вода, оказавшаяся не просто теплой, а горячей, зашипела царапины, полученные в овраге и на Сыром Погосте. Гретель зашипела сквозь сжатые зубы, а потом резко села, погрузившись в воду по самый подбородок. Теперь гореть начали все царапины и ссадины разом, но это было именно то, что нужно. В банные дни мылся сначала отец семейства, потом его жена. Гензелю и Гретель всегда доставалась грязная и остывшая вода.

Когда жжение немного успокоилось, девочка взяла кусок мыла, растрепанную мочалку и принялась оттирать въевшуюся в поры грязь Сырого Погоста. Напряжение понемногу покидало ее. Она даже принялась что-то напевать под нос, когда дверь отворилась и на пороге возникла Марта Блок. Гретель замерла, но мать подошла к ванне и спокойным голосом спросила:

– Ты не забыла полотенце?

– Оно на крючке висит, – произнесла Гретель. – Спасибо, что побеспокоилась.

– А что это у тебя такое плавает? – Мать слегка нахмурилась. – Листик?

Она склонилась над купальней, а потом резко погрузила руки в мыльную воду и схватила Гретель за ноги. От неожиданности девочка вскрикнула.

Пальцы, впившиеся в лодыжки, были жесткие, а хватка крепкая. Марта Блок потянула ноги дочери вверх, так что ягодички Гретель заскользили по шершавому от известкового налета дну. Девочка испуганно вцепилась в бортики ванны, когда мать изо всех сил дернула ее ноги вверх. Голова и туловище Гретель тут же оказались под водой. Она не успела зажмуриться, и глаза заволок полупрозрачный полог из воды и мыльной пены. Гретель увидела пузыри воздуха и собственные волосы, похожие на водоросли. Нечто подобное, наверное, наблюдал каждый утопленник за мгновения до смерти.

Все произошло слишком быстро, и Гретель потребовалось две или три секунды, чтобы по-настоящему испугаться.

«*Меня топят!*» – эта страшная мысль заставила ее упереться в бортики и рывком вытолкнуть собственное тело из воды. Гретель буквально повисла над купальней – пальцы изо всех сил цепляются за тонкие борта, ноги в воздухе, выше головы.

Втянув воздух, Гретель прохрипела:

– Мама, отпусти! Не надо!

Мыльная пена жгла глаза, волосы облепили лицо. Гретель почти не видела мать, но чувствовала ее твердые, похожие на кузнечные щипцы пальцы, сдавившие лодыжки.

– Дыши, дыши, чертовка. – Марта говорила спокойно, даже ласково, и это пугало куда сильнее воплей. – Дыши, пока дышитесь.

Пусть и скругленные, борта купальни резали пальцы. Коротким движением, которым рыбаки подсекают рыбу, а фермеры вытаскивают из земли крепко засевшую морковку, Марта снова дернула собственную дочь за ноги. Руки, и без того дрожавшие от напряжения, согнулись, и Гретель с головой ушла под воду.

Уши сдавила гулкая тишина. Когда локти Гретель бились о борта купальни, она слышала низкие удары, похожие на гудение набата. В груди начало жечь, как будто воздух в ее легких медленно, но верно вытесняло расплавленное олово.

Пальцы скользили по жестяным бортам, и все же Гретель собрала последние силы и снова приподняла себя над поверхностью воды. Она уже не пыталась заговорить с матерью, лишь надсадно дышала.

«Если снова упаду, захлебнусь», – подумала Гретель, когда Марта в третий раз дернула ее за лодыжки. Ладони сорвались с бортов, и девочка шумно плюхнулась в воду, подняв тучу брызг. Затылок ударился о металлическую стенку, и в ушах прозвучал зловещий подводный набат.

«Теперь ее точно запрут в сумасшедшем доме», – пронеслось в голове у Гретель.

И тут железная хватка матери ослабла. Пальцы-клéщи заскользили по мокрым щиколоткам, а потом разжались. Получив свободу, девочка тут же вынырнула и со свистом втянула воздух.

– Успокойся! Марта, дьявол тебя подери!

Убрав облепившие лицо волосы и проморгавшись, Гретель увидела силуэты, сцепившиеся в свете керосиновой лампы. Отец держал маму, а с ее рукавов и подола стекали струи воды. Томас Блок был вдвое крупнее жены, мощные плечи, широкая грудь и мускулистые руки сразу выдавали в нем лесоруба. Но сейчас даже он с трудом мог удержать Марту.

– Нет, отпусти! – крикнула она. – Я должна закончить!

– Гретель, ты в порядке? – спросил отец, не обращая внимания на вопли жены.

Гретель часто закивала.

– Тогда вытирайся, одевайся и выходи.

С этими словами хозяин дома вытащил жену из комнаты и захлопнул дверь.

Девочка вылезла из ванны, вода в которой еще продолжала колыхаться, как во время шторма. Трясущимися руками взяла полотенце и принялась вытираться. Нехотя натянув грязное платье – свежая одежда лежала в спальне, – она вышла в «каминный зал».

Мать неподвижно сидела за обеденным столом и смотрела в пол. Томас Блок, в кожаной куртке со множеством ремешков и в мешковатых штанах, заправленных в сапоги, стоял рядом.

– Ты принесла лекарства? – поинтересовался он у дочери.

Только сейчас Гретель вспомнила про пакет с мамиными порошками.

– Да, сейчас, – молясь, чтобы он до сих пор был в кармане куртки, а не где-нибудь в кустах на Сыром Погосте, Гретель поспешила к вешалке. К счастью, пакет оказался на месте. Она протянула отцу лекарство и сдачу, выданную Хофманном.

– Пожалуйста, вскипяти воду и приготовь раствор, – с этими словами отец направился к разделочному столу.

Никто из обитателей окраин не мог позволить себе такой роскоши, как отдельная кухня. Поэтому в углу «каминного зала» стоял сервант с посудой, висели медные сковороды и черпаки. Заглянув в котелок, Томас Блок весело произнес:

– Ага, похлебка готова! Ну, значит, все не так плохо, как мне показалось вначале, верно, дорогая?

Марта ничего не ответила. Пока отец и дочь ужинали, она сидела без движения, сложив руки на коленях.

Только отправив в рот первую ложку похлебки, Гретель поняла, насколько проголодалась. Тем временем на огне закипел чайник. Томас Блок пересел в свое кресло и раскурил трубку, а Гретель убрала со стола и быстро приготовила мамино лекарство. По рецепту следовало сыпать одну маленькую ложку порошка на кружку горячей воды, но в этот раз Гретель насыпала две ложки. Оставив раствор на столе (следить, чтобы Марта его выпила, в ее обязанности не входило), девочка тихо удалилась в спальню.

Она уже переделась и нырнула под стеганое одеяло, когда в комнату зашел Гензель.

– Еще не спишь? – спросил он с порога. – Как дела?

– Замечательно, – проворчала Гретель. – Сначала за мной гнался Нильс со своими друзьями, и мне пришлось прятаться от них на Сыром Погосте, в каком-то древнем склепе.

– Seriously? – Гензель замер посреди спальни.

– Да! Я до самого вечера сидела в этой вонючей дыре. А когда пришла домой, мама чуть не утопила меня в ванне! Где ты вообще был? И почему не предупредил, что у нее очередное затмение?

– Я предупредил. Ты смотрела под окном?

Гретель раздосадованно поджала губы. За время, что мама болела, они с Гензелем разработали свою систему сигналов. Если один из них возвращался домой и обнаруживал, что мать не в духе, он оставлял под окном горсть белых камней, которые бросались в глаза даже при лунном свете. Но сегодня Гретель забыла про осторожность.

– Это все Нильс. Я не посмотрела.

– Ну вот, а меня винишь. – Гензель подошел к тумбочке, разделявшей их кровати, и погасил керосиновую лампу. Гретель слышала, как он переодевается в пижаму и укладывается. – Так и что там Нильс?

– Кажется, я выбила ему несколько зубов, – нехотя призналась Гретель.

– Ого! – Судя по тому, как закричала кровать, Гензель даже подпрыгнул. – Вот это новость! Он давно напрашивался!

Гретель издала неопределенный звук, который в равной степени мог выражать и согласие, и сомнение.

– Хотя теперь Дельбрук попытается тебе отомстить, – произнес Гензель немного тише. – Наверняка он пожалуется отцу.

– Он точно попытается отомстить. А вот жаловаться не станет.

– Почему?

– Из-за того, как именно это произошло. Они сами притащили меня на Сырой Погост и собирались... отлупить. Сын священника не должен делать такого с девочками! Никто не должен!

– Тогда конечно, – согласился Гензель.

– Да и вообще. Если Нильс нажалуется, все узнают, что его избил девчонка!

– Слушай, через год Дельбрук поступит в семинарию, и только мы его и видели. А пока тебе надо быть осторожной и не ходить одной где попало. Я сам буду провожать тебя из школы домой. И наши друзья помогут – все они терпеть не могут Нильса!

– Помогут, помогут, – проворчала Гретель. – Спи давай! Сегодня меня два раза чуть не убили, а завтра опять в церкви работать! Не знаю, что хуже!

Гензель давно спал, глубоко и размеренно дыша, а Гретель все лежала с открытыми глазами, уставившись в темноту. Она вспоминала вечер, когда Марта Блок едва не отправила Гензеля на тот свет. Это случилось четыре года назад, накануне Рождества. Зима тогда выдалась студеной – вьюга бесилась, швыряла в окна пригоршни ледяной крупы и сотрясала стены. А стоило утихнуть вьюге, становилось слышно, как трещит лес, – это промерзшие деревья, влага в которых превращалась в лед, лопались со звуками, похожими на пистолетные выстрелы. Камин пожирал дрова, как пасть Люцифера, но все равно каждое утро Гретель начинала с того, что разбивала ледяную корку в тазу для умывания.

Гензелю тогда едва исполнилось десять лет, и свой день рождения он встретил в бреду и жару. Чтобы заработать на микстуры для сына, отец с утра до вечера пропадал в лесу, а тем временем Марта Блок только и делала, что сидела у камина или бесцельно бродила по дому. По несколько раз в день она подходила к двери спальни и молча смотрела, как Гретель меняет брату укусовые компрессы или пытается накормить его горячим бульоном.

– Неужто гаденыш сдох? – поинтересовалась Марта как-то под вечер, когда Гензель, измученный лихорадкой, уснул.

– Он спит, – ответила Гретель, кинув на нее неприязненный взгляд.

– Жаль. Но все равно эту зиму ему не пережить.

Гретель не могла постоянно находиться у постели брата. Ей приходилось ходить к поленнице, отлучаться за водой да и просто в нужник. Вернувшись после очередной прогулки на задний двор, Гретель увидела, что мать сидит на кровати Гензеля. Марта вытащила влажную от пота подушку у него из-под головы и положила на лицо. Руки и ноги мальчика судорожно дергались, а из-под подушки доносилось сдавленное мычание. Гретель бросилась к матери, но та отпихнула ее, не прекращая душить сына.

Гретель отлетела к стене, возле которой стоял сундук. Его острый, обшитый железным уголком торец вонзился в ноги, прямо за коленями, и девочка со всего маху села на крышку. А Гензель продолжал биться, словно в приступе падучей. Гретель знала, что мать не остановится, пока он не затихнет. Уговоры, крики и слезы тут помочь не могли – сейчас Марту Блок мог остановить только собственный муж... который пропал где-то в заснеженном лесу.

Гретель бросилась к своей кровати и выхватила из-под соломенного тюфяка бритву. Не дав себе времени на сомнения, она шагнула к матери и полоснула ее лезвием по спине. Домашнее платье разошлось от правого плеча и до левой лопатки, серая ткань в одно мгновение сделалась красной. Марта вскрикнула и резко поднялась с кровати. Теперь уже Гретель отпихнула ее к стене и сбросила подушку с лица Гензеля. Он хрипел, хватался за горло, а его вытаращенные глаза налились кровью.

– Отойди! – Гретель повернулась к матери и выставила перед собой бритву. – Или я располосую тебе горло!

Марта сплюнула себе под ноги и, пошатываясь, вышла из спальни. Ее платье до самого подола пропиталось кровью, и земляной пол жадно впитывал каждую упавшую каплю.

Едва мать переступила порог, Гретель захлопнула дверь. Детская спальня не запиралась, поэтому девочка одним рывком сдвинула тяжелый сундук, забаррикадировав дверь.

– Она хотела меня задушить, – прохрипел Гензель.

– Теперь все хорошо, – сказала Гретель, поворачиваясь к брату. – Не бойся, я не подпущу ее к тебе.

– Если бы не ты, я бы уже умер...

После этого Гретель вернула лезвие на место и перестала резать себя. А еще с той зимы между ней и Гензелем установилась прочная дружеская связь, какую нечасто можно встретить среди братьев и сестер. Они ни разу не обсуждали случай, заставивший Гретель порезать собственную мать опасной бритвой. Но знали, что, если понадобится, будут защищать друг друга любой ценой.

Когда Гретель все-таки погрузилась в сон, ей привиделся темный склеп. Она стояла перед вертикальной дырой, ведущей наружу, к свету. Но почему-то была уверена, что ей не выбраться из этого пропахшего гнилью каменного мешка. В какой-то момент на плечо ей легла костяная, облепленная остатками сгнившей плоти рука, а шелестящий голос произнес: «Теперь ты одна из нас. Ты мертвая...»

Интерлюдия первая

1919 год от Рождества Христова, декабрь

Риттердорф, столица Священного королевства Рейнмарк

– Не представляете, Гретель, как я рад, что вы откликнулись на мое предложение! А как обрадуется редактор! Когда я сказал, что собираюсь заняться историей марбахского убийцы, он чуть со стула не грохнулся от восторга!

С того момента, как они сели на поезд, Конрад находился в приподнятом настроении. Казалось, он вез в Риттердорф не свидетеля чудовищного преступления, а мешочек золотых.

В детстве Гензель и Гретель часто ходили на другой конец города, к железнодорожной станции, поглазеть на закопченные свистящие и грохочущие паровозы, что тянули за собой длинные составы. Гензелю нравились товарные вагоны, забитые всем подряд, и промасленные цистерны, в которых доставлялся керосин. Сидя на земляном валу, что тянулся вдоль железной дороги, брат и сестра наблюдали, как рабочие разгружают составы. Грузчики напоминали проворных муравьев, облепивших жирную гусеницу.

– Смотри, в тех мешках, наверно, соль, – говорил мальчик, показывая пальцем. – А вот в тех ящиках что-то тяжелое, небось товары для скобяной лавки.

Отличие от брата, Гретель больше нравились пассажирские поезда. Глядя, как уезжающие из Марбаха люди выглядывают из окошек, машут друзьям и родственникам, собравшимся на перроне, девочка ощущала, что внутри у нее поднимается странный, необъяснимый восторг с небольшой примесью горечи. Билет на поезд сулил неведомые приключения, новые города и земли. А Гретель, дочь дровосека, могла лишь смотреть вслед отъезжающим поездам. И вот в двадцать четыре года она впервые оказалась внутри пассажирского вагона и сама ехала навстречу неизвестности.

Купе – сплошь полированное дерево, сверкающая медь и красный бархат – явно предназначалось для богачей. Изысканно вежливый проводник в униформе винного цвета проверил билеты и поинтересовался, не желают ли чего герр и фрау. Конрад Ленц, к удивлению Гретель, заказал шампанское.

– Должны же мы, в конце концов, отметить начало нашего проекта! – сказал он, потирая ладони.

Колеса мерно грохотали, за окном проносились бескрайние заснеженные поля, а Гретель никак не могла расслабиться. Ей казалось, что если она испачкает дорожную обивку или сломает что-то, немедленно явится проводник и выпишет ей огромный штраф. Проводник действительно явился, но не со штрафом, а с фужерами и ведерком, полным колотого льда, из которого торчало горлышко бутылки. Гретель доводилось пробовать шнапс и пиво, а вот о шампанском она знала лишь одно – что оно существует. Хлопнула пробка (девушка невольно вздрогнула), и в фужеры полилось искрящееся вино.

– За вас, фройляйн Блок! – сказал Ленц, поднимая бокал. – Вы, конечно, не хромой мальчик, но, да простит меня Бог, я безмерно рад этому обстоятельству!

Шампанское сотворило чудо: уже через несколько минут Гретель облакачивалась на обитые бархатом стены, не задумываясь о последствиях, и смеялась шуткам Конрада Ленца.

Поездка ничуть не утомила Гретель – всю дорогу спутник забрасывал ее вопросами и сам рассказывал о жизни в столице и о своей работе. Было видно, что он гордится успехом «Крысоловки для убийцы из Гамельна» и надеется превзойти его с новой книгой. В конце концов, Гамельнский крысолов похитил детей в середине прошлого века, а марбахский убийца действовал здесь и сейчас.

– Ваше имя точно станет известным! Журналистское чутье меня еще ни разу не подводило, и я чувствую, что эта книга произведет настоящий фурор!

Девушка понимала, что золотые горы и славу Ленц обещает лишь для того, чтобы она не сорвалась с крючка. «Я нужна ему, – думала Гретель, исподтишка разглядывая болтливого журналиста. – И он нужен мне. Вот только я не могу дать Ленцу то, чего он желает. Вся эта история может закончиться крупным скандалом...»

Конрад Ленц верил, что доктор Фонберг совершит чудо. Что он какими-то хитрыми приемами достанет из памяти пациентки портрет марбахского убийцы. Но Гретель знала: ее воспоминания – вовсе не игра воображения и не попытка разума защититься от ужасных, травмирующих событий. Впрочем, она честно предупредила Ленца об этом, а значит, вся ответственность за возможный провал лежала исключительно на нем.

«Правда, никаких денег в этом случае нам не светит», – с тревогой думала Гретель. Девять лет назад, через год после ее возвращения из плена, мать сильно заболела, и теперь за ней требовался постоянный уход. Гензель, решивший поиграть в молчанку, тоже нуждался в опеке. В итоге жизнь девушки свелась к готовке, уборке и походам в «Хофманн и сыновья» за лекарствами. С учетом этих печальных обстоятельств деньги Блокам вовсе не помешали бы.

В Риттердорф парочка прибыла ближе к ночи. Город встретил их снегопадом, и Гретель, надеясь разглядеть ночную столицу сквозь окно такси, была несколько разочарована.

– Вы, наверное, хотели посмотреть город, – сказал Конрад, заметив, как Гретель прильнула к стеклу автомобиля.

Девушка сообразила, что выглядит как деревенская простушка, и отвернулась от окна. Ленц видел, в каких условиях живут Блоки, знал, какое образование получила Гретель. И пускай события ее жизни представляли для него определенный интерес, пропасть между ними была слишком велика. Не желая подпитывать его самомнение, Гретель напустила на себя безразличный вид и произнесла:

– Боюсь, в такую погоду ничего интересного не увидеть...

– Здесь я с вами соглашусь, – кивнул молодой человек. – И, если позволите, пока вы будете моей гостьей, я покажу пару интересных мест. Хоть мы и приехали по делу, но психологические сеансы не займут слишком много времени. Не хочу, чтобы вы заскучали.

– Надеюсь, тут найдется, на что посмотреть. В Марбахе тоже есть свои достопримечательности, например собор Святого Генриха и женский монастырь. Но сам город такой маленький, что я знаю там каждый уголок.

– Уверен, это место придется вам по душе. Я ведь тоже когда-то переехал в Риттердорф из небольшого города. Правда, мне было шесть...

За разговорами Гретель не заметила, как такси остановилось перед пятиэтажным многоквартирным домом. Расплатившись с водителем, Конрад помог Гретель выйти из машины и взял ее дорожный саквояж.

На самом деле Блоки никогда не путешествовали и, соответственно, не нуждались в такой роскоши, как чемоданы. Этот саквояж Гретель взяла на время у подруги, Ирмы Майер... которая вскоре собиралась сменить фамилию, сделавшись фрау Ган. Вручая Гретель саквояж, Ирма взяла с нее обещание, что та вернется к свадьбе. «А если сумеешь соблазнить этого журналиста, – подмигнула Ирма, – сможем сыграть двойную свадьбу. Иуда будет не против!»

– Нам на второй этаж, – сообщил Ленц, открывая перед девушкой входную дверь.

Дом производил впечатление – огромная парадная, дубовые лестницы, витые бронзовые перила. Массивная входная дверь, кажется, стоила столько же, сколько весь дом Блоков в Марбахе. Да что там, как половина Смолокурной улицы!

– Этот район, наверное, считается хорошим? – поинтересовалась девушка.

– Ну, скажем, неплохим, – с наигранной небрежностью подтвердил Конрад, останавливаясь возле двери в свою квартиру.

Повернув ключ в замке, он пропустил Гретель вперед:

– Прощу!

Хозяин щелкнул выключателем, и прихожую залил яркий электрический свет. Гретель растерянно заморгала. Она всю жизнь прожила при свете керосиновой лампы и даже не задумывалась, чем освещаются столичные квартиры.

– Позвольте ваше пальто. – Конрад ловко подхватил верхнюю одежду, повесив ее на крючок. Подождав, пока девушка расшнурует сапоги, он сказал: – Пойдемте, я проведу небольшую экскурсию.

На удивление, квартира оказалась не такой просторной, как Гретель себе представляла. Кроме того, чувствовалось, что здесь живет холостяк, – вещи валялись как попало, в раковине стояла давно забытая посуда, рядом с печатной машинкой, прямо на обеденном столе, лежали кипы бумаг. Здесь же, в стеклянной пепельнице, возвышалась гора окурков, а под столом и на подоконнике Гретель заметила пустые бутылки из-под пива.

– Простите за беспорядок. Завтра же я уберу это в свою комнату. – Конрад кивнул в сторону печатной машинки.

– Мне ваши рукописи ничуть не мешают, но, боюсь, мы можем на них что-то пролить во время еды, – улыбнулась девушка.

– Да, такое частенько происходит... – Конрад задумчиво почесал подбородок. – Дальше ваша спальня, я отнесу туда сакvojж. И давайте я покажу вам, как пользоваться клозетом.

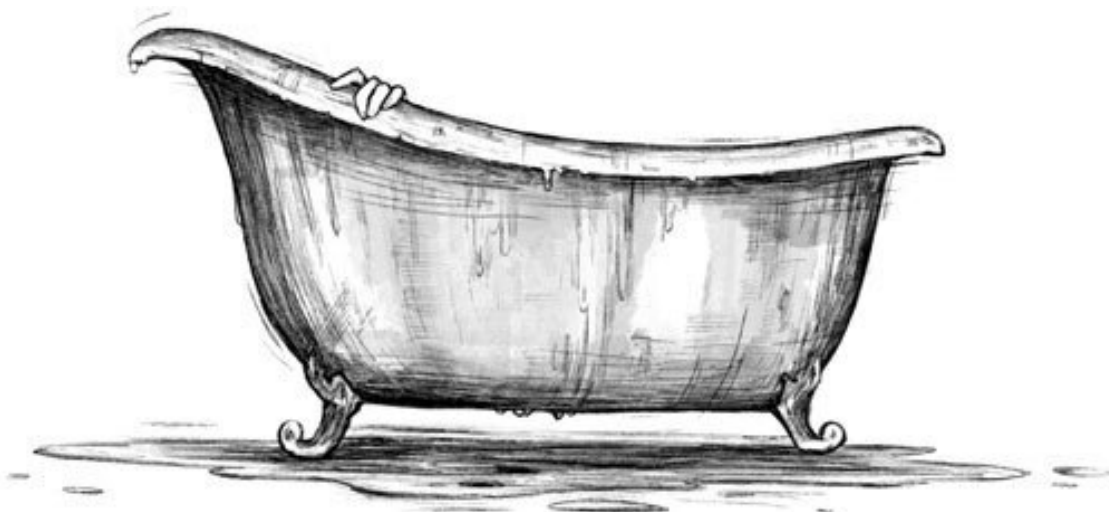
Конрад поставил возле двери спальни сумку и направился в ванную комнату.

– Э-э... – Гретель сделала круглые глаза. – Вы мне прямо продемонстрировать будете, как им пользоваться?..

Кажется, ей впервые удалось смутить ушлого журналиста, отыграв одно очко. Да, она действительно всю жизнь ходила в уличный туалет с дырой в полу, но не сомневалась, что сможет разобраться, как спустить воду в ватерклозете. Не зная, что ответить, Ленц пару секунд смотрел на Гретель, а потом засмеялся:

– Пожалуй, ограничимся тем, что я покажу, как включать горячую воду.

* * *

– Я буду ждать в коридоре, – сказал Конрад. И, видя, что Гретель волнуется, добавил, понизив голос: – Этот Фонберг, конечно, старый людоед. Если достанет нож, начинайте кричать, и я сразу прибегу!

Гретель кисло усмехнулась и, не в силах отделаться от скверного предчувствия, толкнула массивную лакированную дверь, на которой красовалась бронзовая табличка: «Доктор Артур Фонберг. Психолог, гипнотерапевт».

Вопреки ожиданиям, в кабинете не было ничего больничного, наоборот, здесь царила умиротворяющая атмосфера. За дубовым столом сидел представительный мужчина лет сорока и что-то записывал. Не отрываясь от бумаг, он кивнул:

– Присаживайтесь. Одну минутку.

Девушка опустила в кожаное кресло и осмотрелась. Казалось бы, чего бояться? Все самое ужасное осталось в прошлом.

Десять лет назад, вернувшись из плена, Гретель провела несколько недель в качестве пациентки Альпенбахской психиатрической лечебницы. Там ей кололи снотворное и давали таблетки, от которых голова становилась легкой и пустой, как воздушный шарик. А еще к ней постоянно приходили полицейские в форме и детективы в штатском. Они задавали вопросы, на которые Гретель не имела ответов. В конце концов ее отпустили домой, в родной Марбах. Ленц, конечно же, знал, что его свидетельница лежала в дурке, но тактично не упоминал об этом.

Кабинет, сплошь отделанный деревом, показался Гретель довольно-таки уютным – много книг, красивая мебель. На столе – бронзовая чернильница, телефон и подставка для перьевых ручек. Все было чудесно, кроме повода, по которому Гретель сюда пришла. Возвращаться к прошлому оказалось труднее, чем она ожидала.

Девушка понимала разницу между психиатром и психологом, понимала, что здесь пациентам не надевают смирительные рубашки и не колют успокоительные. Но пока что справиться с волнением удавалось плохо – ее трясло от напряжения, и, чтобы хоть как-то унять дрожь, Гретель впиалась ногтями в упругую обивку кресла. Она понятия не имела, чего ждать от доктора Фонберга, но собиралась говорить правду.

«Правду, из-за которой я однажды уже сделалась посмешищем», – мрачно подумала Гретель.

– Меня зовут доктор Фонберг. А вы фройляйн Блок, верно? – Мужчина наконец отложил ручку и внимательно посмотрел на пациентку.

– Можно просто Гретель.

– Договорились, – улыбнулся Фонберг. – Мой друг, герр Ленц, попросил о нескольких консультациях для вас. Признаться, меня и самого заинтересовал ваш случай... Очень необычно!

– Боюсь, все не так, как вы себе представляете, – пробормотала Гретель.

– Интересно, а как же именно обстоят дела? Хотя, погодите, не отвечайте... – Фонберг потянулся к телефону и снял трубку. – Якоб, вы подготовили прибор? Будьте любезны, принесите.

Гретель заметила еще одну дверь, расположенную между книжными шкафами, только когда та запахнулась. В кабинет вошел молодой человек в сером костюме. В руках у него была какая-то коробка, похожая на обитый темной кожей чемодан.

– Это мой секретарь, Якоб Бернайс, – сказал Фонберг. – Он поможет сделать нам необходимые приготовления.

Молодой человек поставил коробку на стол своего начальника и снял крышку. Гретель увидела какие-то колеса, медные трубки и цилиндры.

– Это еще что такое? – занервничала она.

– Не беспокойтесь, это всего-навсего фонограф, прибор для записи звука, – сообщил Фонберг.

– Вы собираетесь записывать наши сеансы? А кто будет это слушать?

– Герр Ленц, разумеется. Он вас не предупредил?

– Нет! И мы так не договаривались.

– В принципе, вы можете обсудить это с Конрадом. – Доктор развел руками. – Но скажу, что фонограф – это моя идея. Изначально герр Ленц собирался лично присутствовать на сеансах и вести стенограмму. Но я сказал, что так вы не сможете расслабиться, а это обязательное условие в нашей работе.

– Так он... – Гретель почувствовала, что краснеет. – Он будет слушать все, что я говорю?

– А что вы хотели? – пожал плечами доктор. – Все это делается ради книги. Для разоблачения марбахского убийцы, разумеется, тоже... но в первую очередь – ради книги. Если герр Ленц не будет знать, о чем мы здесь говорим... какой во всем этом смысл?

Все это время Якоб Бернайс с невозмутимым выражением лица настраивал фонограф – крутил колесики и надевал на штатив цилиндр, смазанный тонким слоем воска.

– Ладно, пишите, – сдалась Гретель.

– Вот и прекрасно, – кивнул Фонберг.

Прибор щелкнул, цилиндр завертелся, и секретарь молча вышел из кабинета. Первый сеанс начался.

– Гретель, вы знаете, из-за чего мы здесь собрались?

– Видимо, из-за того, что десять лет назад нас с братом похитили?..

– Я читал полицейские отчеты, которые раздобыл герр Ленц, и там говорится, что вы заблудились в лесу, – сказал доктор. – Но, значит, это было похищение? Как это произошло?

Гретель промолчала. Начать было тяжело.

Не дождавшись ответа, Фонберг произнес:

– Давайте отталкиваться от того, что мы уже знаем. В Марбахе исчезают дети. Вы, фройляйн, тоже исчезли, но потом каким-то образом сумели вернуться. Полиция полагает, что в окрестностях города орудует психопат, который похищает детей, и только с вами он допустил промашку.

Гретель хотела сказать, что не было никакого психопата, но почему-то вновь промолчала.

– Но вот беда, – доктор развел руками, – после похищения в вашей голове что-то перепуталось. Если мы докопаемся до правды, это поможет остановить маньяка. И дети перестанут пропадать! Я уже не говорю о том, что Конрад напишет новую книгу и... – Фонберг усмехнулся, – окончательно зазнается.

– Я не знаю ни про какого маньяка, – выдавила Гретель.

– Но вы же сами сказали, что стали жертвой похищения? Разве не так?

В голову Гретель пришла безумная мысль: а вдруг доктор сумеет воспринять ее слова серьезно?.. Он казался неглупым, не то что полицейские, которые могли только напирать и давить, а правду слушать не желали.

Много раз Гретель прокручивала в голове воспоминания, больше похожие на обрывки кошмарных сновидений. Они с братом спят, когда в спальне появляются странные существа. Эти твари хватают Гензеля и Гретель и несутся в лес, все дальше и дальше, к пылающему разлому в земле. Девочка хочет закричать, но не может...

– Мы были дома, – решила Гретель. – Нас просто забрали из кроватей и утащили в лес. Фонберг кивнул и что-то отметил в блокноте.

– Вы помните, как похитители выглядели? Их было несколько?

Девушка снова замялась. Уловив ее реакцию, доктор отложил блокнот и откинулся на спинку кресла.

– Психика – удивительная штука, – сказал он. – Иногда, чтобы оградить своего обладателя от шока, она заменяет одни образы другими. Вы могли видеть что угодно, но ЧТО вы видели на самом деле, предстоит разобраться уже мне. Можно воспринимать это как путешествие в глубины собственного разума. Разве не интересно? Но, к сожалению, без вашей помощи мне не обойтись.

– Вы хотите сказать, – уточнила Гретель, – что я была ребенком и все нафантазировала? А потом поверила в собственные выдумки?

– Наоборот! – Доктор покачал головой. – Вы видели то, что видели, но, возможно, кое-что и упустили. И нам было бы полезно восполнить эти пробелы.

– Ясно, – протянула Гретель и снова замолчала.

Фонограф, фиксирующий каждое прозвучавшее в этом кабинете слово, не давал ей почувствовать себя свободно. Артур Фонберг просчитался – с тем же успехом здесь мог сидеть Конрад Ленц собственной персоной или целый взвод стенографисток.

– В газетах десятилетней давности сообщалось, что вы упоминали дьявольских созданий, – произнес доктор, когда пауза затянулась. – Можете рассказать, какие они из себя?

Перед глазами Гретель тут же возникли ее приемные родители, одноклассники, настоятель Церкви Сатаны...

– Они были похожи на бесов? Или, может, на чудищ? Или... – осторожно предположил Фонберг, – это все-таки был кто-то знакомый?

Глубоко вздохнув, Гретель начала:

– Сказать по правде, ад – не такое страшное место, как о нем рассказывают...

Глава вторая

1909 год от Рождества Христова, 31 октября

Канун Праздника Урожая

– Гре-етель! Пойди-ка сюда!

Кажется, Фелиция Руппель заметила, что девочка отдыхает на лестнице капеллы вместо того, чтобы полировать тряпкой деревянные ступени. К сожалению, Гретель замечталась и не успела вовремя изобразить бурную деятельность. Испуганная окриком, отразившимся от каменных сводов, она буквально скатилась по лестнице.

Школьники боялись Фелицию сильнее, чем остальных женщин из церковного комитета. Ее огромный рост, мощное телосложение и вечно недовольное выражение лица в равной степени внушали трепет и малышне, и детям постарше. Гретель не сомневалась, что даже херувим под ее взглядом ощутил бы себя виновным во всех возможных грехах. И уж точно никто не горел желанием работать под началом Фелиции. Фрау Руппель считала, что ее окружают одни лишь лодыри и что крепкая оплеуха – лучшее лекарство от лени.

– Что ты там расселась? – спросила Фелиция, глядя на девочку сверху вниз. – Протерла ступеньки?

– Да, – кивнула Гретель, откидывая с лица мокрую прядь.

– А перила?

– Тоже.

– Проверим. – Фелиция отстранила Гретель и склонилась над нижней ступенькой, почти уткнувшись в нее носом.

Девочка представила, как приятно было бы пнуть этот широченный зад, в данный момент маячивший выше головы Фелиции. Впрочем, сделать такое в реальности никому бы в голову не пришло. Фрау Руппель приходилась супругой бургомистру Марбаха, и наверняка покушение на прелести его жены могло считаться государственной изменой.

Изучив нижнюю ступеньку, Фелиция начала подниматься выше. Лестница жалобно закрипела под ее дорогими лакированными туфлями неведомо какого размера.

«Все равно заставит переделывать», – подумала Гретель.

Изучив ступени, Фелиция вытащила из кармана платок и провела по перилам. Очевидно, белоснежная ткань осталась чистой, потому что супруга бургомистра кивнула и произнесла:

– Как закончишь здесь, иди к остальным. Проклятые девчонки копаются, как сонные мухи!

Гретель схватила ведро, тряпку и поспешила к следующему алтарю. Сегодня ей повезло – другие девочки драили главный неф, а ее определили в поперечный. Она могла не спеша мыть лестницы и натирать мастикой скамьи, а когда Фелиция не смотрела, так и вовсе побездельничать.

Собор Святого Генриха, как и большинство подобных построек, имел форму креста. Основная его часть – иначе говоря, главный неф – тянулась от высоких деревянных дверей и до престола, где в каменной раке хранились мощи святого Генриха. Но Гретель сейчас находилась в трансепте – поперечном нефе, пересекающем собор под прямым углом. Девочка понятия не имела, кто первым додумался строить церкви в форме креста, но считала это крайне удачной придумкой. Ведь благодаря такому расположению ее практически не было видно из главного нефа, куда и направилась Фелиция.

Убедившись, что жена бургомистра действительно ушла, Гретель нырнула под дубовую скамейку, захватив с собой тряпку: «Если что, скажу, что вытирала здесь пыль!»

Старинные скамейки имели свойство скрипеть так, словно в них вселились души грешников. Поэтому во время воскресной проповеди сразу становилось понятно, кто ерзает, а кто

внимательно слушает преподобного Дельбрука. Несмотря на почтенный возраст, выглядела мебель солидно.

Гретель уперлась спиной в боковую стенку скамьи и с удовольствием вытянула ноги. Подготовка к Празднику Урожая никогда не давалась легко, по крайней мере, девочкам из воскресной школы. Но в этот раз Гретель чувствовала себя не просто уставшей, а выжатой и разбитой. «Это все прятки на Сыром Погосте, – подумала она, массируя гудящие ноги. – И маме тоже отдельное спасибо!»

Другие девочки не приблизились даже к середине главного нефа, ведь от них требовалось не просто помыть дорожку к алтарю, но и завернуть в узкие проходы между скамейками. Гретель тянула время, чтобы закончить вместе с остальными. Пока ее подруги ползали на четвереньках, словно грешницы, на которых наложили епитимью, она предавалась греху лени – неторопливо массируя колени и прислушивалась, не зазвучат ли поблизости тяжелые шаги Фелиции.

Как это бывало с Гретель, пропитавший все и вся запах фимиама навел ее на мысли о святых мощах, криптах и ссохшихся мумиях. В какой-то момент сиденье церковной скамьи напомнило ей дубовую крышку гроба. Убежище перестало казаться уютным, и девочка растянулась на каменном полу так, чтобы доска, облепленная паутиной и засохшими козюльками (складывалось ощущение, что горожане только затем и приходили в церковь, чтобы ковыряться в носу!), не давила на голову. Впрочем, это не помогло направить мысли в иное, не связанное со смертью, русло – ведь теперь над Гретель вздымался купольный свод, расписанный сценами Страшного суда.

На фреске грешники корчились и тянули руки к небу, огромный скелет заносил над ними острую косу, а черти кривлялись и тащили несчастных в адское пламя. Ужас, да и только! Чтобы отвлечься, девочка попыталась вспомнить, чье буйное воображение породило эти картины. В памяти всплыли два имени – Франческо Аббизи или Пьетро Булетти. Оба звучали так, словно принадлежали художникам, хотя с тем же успехом Аббизи и Булетти могли оказаться философами, богословами или святыми отшельниками. Благодаря сестре Агнес в голове Гретель роилось множество разрозненных и – чего греха таить! – бесполезных имен, дат и фактов.

Где-то неподалеку раздались голоса, и Гретель поспешно вернулась под скамейку, где и замерла, как зверек, почуявший охотничьих псов.

– Девчонки медленно работают!

– И не говори. Но до полуночи мы управимся, а все остальное неважно.

Гретель прекрасно знала оба голоса: первый, высокий и холодный, принадлежал Бри, а второй, пониже и с хрипотцой, – Леонор. Эти уважаемые фрау входили в церковный комитет. Бри – обладательница мелких кудряшек – напоминала тощего суетливого пуделя, в то время как визитной карточкой Леонор являлась длинная папироса и сухой кашель. Гретель всегда казалось, что курение – греховная зависимость и что активистка из церковного комитета не должна подавать дурной пример молодежи. Но ни у кого язык не поворачивался сделать замечание Леонор, даже преподобный Дельбрук помалкивал по поводу ее курения. В городе все трепетали перед «святой шестеркой», не только дети из воскресной школы.

– Я так жду полуночи, – чуть понизив голос, сказала Бри.

– Не ты одна.

– Как ты считаешь, в этот раз *он* почтит нас...

– Не здесь, – резко прервала собеседницу Леонор. – Или ты не в курсе, что у стен тоже имеются уши?

Гретель стало любопытно, почему Бри ждала полуночи, но та не стала развивать тему. Неужели в столь поздний час две благочестивые фрау могут заниматься чем-то иным, кроме как крепко спать в своих постелях? Вот уж загадка из загадок!

Когда шаги Бри и Леонор отдалились, Гретель вылезла из своего укрытия. Она тянула время как могла, но теперь следовало хоть немного поработать. Девочка принялась вытирать пыль с деревянного ограждения между лестницей и алтарем, поглядывая в сторону главного нефа, куда удалились Бри и Леонор.

Внезапно относительная тишина собора наполнилась раздраженными возгласами. Судя по обрывкам фраз, гудевшим под церковными сводами, Бри и Леонор остались недовольны результатами уборки. Когда девочки вернулись к дверям и начали мыть пол по второму разу, Гретель сочувственно покачала головой.

Лениво помахивая тряпкой, она понемногу продвигалась вдоль резного ограждения. Заходить в алтарную зону разрешалось только мужчинам, и, пока шла генеральная уборка, это правило вполне устраивало Гретель. Все три алтаря – один в главном нефе и еще два по обе стороны трансепта – выглядели одинаково мрачно и торжественно. С возвышений на прихожан взирали ангелы и святые, вырезанные из дерева, раскрашенные, залакированные, а кое-где даже позолоченные. Лак покрывала сеточка трещин, указывающая на древность скульптур. Гретель радовалась, что все это великолепии мыли и полировали мальчишки из числа церковных служек.

Закончив с ограждением, Гретель кинула мокрую тряпку на пол и принялась без энтузиазма тереть каменные плиты. Она могла бы работать усерднее и быстрее, если бы знала, что раньше освободится. Но «святая шестерка» в любом случае продержит всех до упора. И это сегодня, когда другие дети всю готовились к вечерним шествиям!

Канун Праздника Урожая нравился Гретель куда больше, чем сам праздник. Тридцать первого октября юные марбахцы наряжались, надевали страшные маски и весь вечер гуляли по городу, распевая песни. А тут, как назло, работы непочатый край!

– Заканчивай поскорее! – крикнула заглянувшая в трансепт Фелиция. – Сейчас уже привезут овощи!

Хрустнув затекшей поясницей, Гретель выжала тряпку над ведром. Овощи, которыми предстояло украсить храм, – это финишная прямая. А значит, еще час-полтора, и можно идти домой!

Девочка потащила ведро на двор и в дверях столкнулась с Керстин, супругой начальника полиции и одной из «святой шестерки». Гретель отошла в сторону, пропуская шествие – Керстин, Урсулу, Хулду и десяток крепких мужчин с большими ящиками, полными овощей и фруктов. Замыкали процессию мальчишки, тащившие плетеные корзины. Увидев следы, которыми покрылся свежeweымытый пол, девочки проводили новоприбывших мрачными взглядами. Оставив ящики и корзины возле главной кафедры, грузчики ретировались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.